

The book cover features a close-up of a woman's face with long, wavy brown hair and dark eyes, looking directly at the viewer. In the background, a man with a beard and short brown hair, wearing a white suit jacket, is looking off to the side. The overall lighting is warm and dramatic.

ОЛИВИЯ ЛЕЙК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НЕИДЕАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ О ЛЮБВИ

Современный любовный роман

Оливия Лейк
Неидеальные.
Откровения о любви
Серия «Неидеальные», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69853039

SelfPub; 2023

Аннотация

– Сколько ему?– Ты знаешь.– Точно скажи, – Дима повернулся и припечатал взглядом, – до дня.– Два года три месяца и пять дней. Доволен?– Знала, что беременна, когда последний раз виделись?– Нет, – ответила поспешно. Слишком.– Не смей мне лгать! – ударил по рулю. Я вздрогнула, но не отвернулась: он не смеет мне что-то предъявлять!– Что тебе нужно?! – разозлилась я. – Три года прошло. У меня своя жизнь!– Это и мой сын, – напомнил бескомпромиссно.– Ну зачем он тебе? Ты женат! У вас ведь тоже родился ребенок! Растить его, а ко мне не лезь! Схватила за ручку двери, хотела выйти из машины, но Дима не дал.– Это мой сын и ты тоже моя.– Я никогда, слышишь, никогда больше не буду твоей любовницей! – бросила в жесткое лицо.– Будешь моей. Я так сказал.От автора: Неоднозначно, эмоционально, порой жестко. Сложная история о людях и любви.

Содержание

Часть 1. Я не хотел тебя встречать	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	65
Глава 9	74
Глава 10	85
Глава 11	94
Глава 12	99
Глава 13	107
Глава 15	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Оливия Лейк

Неидеальные.

Откровения о любви

Часть 1. Я не хотел тебя встречать

Глава 1

Дима

Мы с Ирой приехали на совместный ужин с нашими родителями в дом моего отца. Герман Львович с новой молодой женой, отец один: решил не светить при будущей невестке очередной любовницей. Сегодня папа был само очарование и забота, только наедине не унимался, пытаюсь промыть мне мозги. Они с отцом Иры давние партнеры и зазывали меня в бизнес последние лет пять. Настойчиво.

– Сын, посмотри эти контракты, – положил на широкий стол документы. – Что-то я нашим юристам не доверяю.

Я хмыкнул и лениво взял верхний договор. Ага, конечно, не доверял он! Плохих специалистов Александр Небесный держать рядом не стал бы. Отец так меня хотел заманить в

компанию. Я всегда мечтал быть юристом: закончил институт прокуратуры, стажировку прошел, да там и остался. К тридцати трем годам имел звание государственного советника юстиции первого класса и был помощником заместителя генерального прокурора по особо важным делам. Я любил свою работу и уходить не собирался. Деньги меня особо не интересовали. Наверное, потому что я никогда в них не нуждался. Сейчас мы совместно со следственным комитетом раскручивали очень важное дело о коррупции и «крышевании» сомнительного бизнеса.

– Посмотрю, пап. Обязательно.

– Давай уже, – властно махнул рукой, – переходи к нам работать. Ты мой наследник или кто?!

Я поднялся, пряча саркастичную ухмылку.

– Пап, ты разве умирать собрался? – невинно поинтересовался.

– Нет, конечно, но я хочу быть спокоен за наш бизнес. А еще внуков хочу! Вы с Ирой дату свадьбы назначили? Живете вместе, но не женитесь! Гражданский брак, мать его!

– Гражданский брак, папа, это брачный союз, оформленный в органах государственной власти. Без участия церкви и прочих религиозных организаций. А мы сожительствоуем.

– Хватит паясничать, – бросил недовольно. – Я на вашей свадьбе погулять хочу. С моими ногами... Ну сам знаешь...

Хронический артроз. Колени больные. Отец ходил, но дома, когда нет лишних глаз, пользовался коляской. В острую

фазу ногам давал передышку. Все же здоровье не купишь даже за очень большие деньги.

– Погуляешь. Думаем в начале сентября. Ира уже год планирует. К осени выпланирует. Наверное.

– Ну слава богу, – скупно улыбнулся отец. Я подошел к нему, помог подняться. – Ты уходишь, что ли?

– Дела.

– Смотри, чтобы о твоих «делах» Ирина не узнала, – сказал строго, только это сто процентов напускное. У самого опыта шифровки в этом деле ноль без палочки. Если бы было по-другому, у меня была бы мать. Совет «не изменять» в принципе не рассматривался: есть каста мужчин, где это абсолютная норма. Я рос среди таких людей.

– Не беспокойся, – сухо отозвался, – у меня действительно работа.

Я не был ангелом – грехов на пару жизней хватит, – но невесте не изменял. Зачем? Секс есть. Разнообразие? Сомнительное удовольствие. Статус крутого мужика? Я крутой и так. Мне для этого не обязательно присовывать в доступные дырки.

– Ир, тебя отвезти домой? Или ты еще останешься?

– А ты куда? – шепнула на ухо, сжимая мою руку. – Мы разве не вместе поедem?

– Нет, у меня важное расследование зависло, нужно его подтолкнуть.

– В десять вечера?

Я не ответил, только поцеловал ее в лоб и, попрощавшись с нашими, уехал. Доберется сама. Мы давно вместе и хорошо понимали друг друга. Мне нужно ехать, а куда – ей не должно быть критично важно. Это мужские дела, рабочие моменты. Ира дочь крупного бизнесмена Германа Свободина. Она приучена быть правильной спутницей богатого мужчины.

Я приехал в клуб «Nuag». Закрытый, атмосферный, мужской. Владелец был Ярослав Разин. Его подозревали в контрабанде алкоголя, медицинских препаратов и незаконном обороте оружия. Это у него серьезная мвд-эшная подушка. Прокуратура даже заинтересовалась. Полгода он нас по носу щелкал, посадить мудака стало делом чести.

Признаюсь, в последнее время зачастил сюда – иногда с друзьями, иногда один, как сегодня. Менеджер зала, как оказалось, любовница Разина. Это можно использовать. Что и собирался сделать.

Охрана за хрустящую оранжевую бумажку пропустила без вопросов. Я прошел в интимный фиолетово-синий полумрак. Здесь можно было покурить кальян, поиграть в бильярд, выпить в приятной обстановке и посмотреть стриптиз. Меня лично бабы на шесте не интересовали, хотя я исправно засовывал в трусы купюры, (не хотел выделяться), меня волновала только одна женщина.

Хостес проводила к столику, который привык бронировать: уютно и отличный обзор. Девушка Разина привычно сидела за изящной стойкой и переговаривалась с официант-

ками и стриптизершами. Интересно, сколько ей лет? Молоденькая. Любовник ее тоже не старик, но лет пятнадцать разницы точно есть. Нет, я видел и внучек под дедушками (мне за этим далеко ходить не нужно, всего лишь в гости к отцу), но противно и брезгливо от баб, которые ради денег готовы лечь даже под мумию.

Мне принесли выпить. Я едва пригубил терпкий виски – за рулем сегодня. Смотрел на сцену, изображая интерес, искоса бросал взгляды на стройную девицу. Вкус у Разина хороший. Красивая. Даже слишком. Такие лица не забывались. Девочка с обложки. Лучше б в модели пошла, а не в шлюхи. Хотя эти понятия давно тождественны. Алена Романова. Ей шло это имя. Невинная снаружи, порочная внутри.

– Тебе составить компанию, красавчик? – ко мне склонилась полуголая стриптизерша. Слишком яркий макияж, сделанные сиськи, губы натуральной соски. Я хищно улыбнулся, разглядывая коричневые соски. Краем глаза заметил, что Романова пошла к выходу. – В другой раз, – сжал тяжелую грудь, – жена заругает, – и сунул в трусики банкноту.

Поднялся, на ходу достал платок и вытер ладонь. Намасленные тела вызывали брезгливость. К этой касте у меня стойкая непереносимость. Я вышел на воздух, в полутемный переулок. Майская ночь дыхла в лицо мягким теплом. Скоро лето: длинные дни, короткие ночи. Я не любил ночь, в ней все кошки серы, а я всегда старался понять, кто есть кто.

Длинные ноги, длинные волосы, длинные пальцы. Креп-

кая задница и изящная линия спины. Она тихо говорила по телефону. Мне бы побеседовать с ней, припугнуть даже, но в голову лезли совершенно иррациональные мысли. Сколько мужиков до Разина пользовалось этим сексуальным телом? Вряд ли она сама в курсе. Это раздражало. Не знаю отчего, но разбираться времени не было. Я просто шагнул к ней. На голых инстинктах.

– Красавица, вам не холодно? – надел маску хмельного сельчака. Прощупывал девочку. Возможно, и давить не придется, за цацку сдаст все секреты любовника.

Будто бы случайно споткнулся и обвинил ее талию, точку опоры нашел.

– Не холодно! – обрубила резко, но когда глазами встретились, отшатнулась. Точнее, попыталась. Я держал. Крепко. – Отпустите, – проговорила, еще раз дернувшись. Я молчал. Смотрел только. Огромные серые глаза, густые ресницы, пухлые губы – красивая, зараза. От нее пахло цветами. Не одурманивающим ярким парфюмом, а едва уловимым нежным ароматом. Это сбивало с толку. И взгляд. Взгляд женщины, которая может. Но что именно «может» пока не представлял.

– А если нет? – ответил шепотом.

– А если нет... – и я почувствовал острую шпильку на ступне. Романова надавила – больно! Я грубовато толкнул ее и вдавил спиной в кирпичную стену рядом, закинул строительную ногу себе на бедро.

– Играешь с огнем, кошка дикая.

И я тоже. Напряжение безошибочно ударило в голову. Член налился похотью и болезненное таранил болты ширинок. И не только я это чувствовал. Пиздец.

Я резко отстранился, сбрасывая мутную пелену с разума. Алена смотрела пронзительным взглядом волчицы. Дикая. Не шелохнулась даже, ногтей не выпускала, не возмущалась и все равно дикая.

– Уходите, или я вызову охрану.

Я только хмыкнул и пошел к машине. Сел за руль. Сжал вздыбленный пах. Блядь. Как низко я пал. На чужую шлюху встал. Пиздец...

Приехал домой. Дорога остудила голову, но не нижнюю. В спальне горел тусклый свет. Я бросил пиджак на кресло, снял запонки и, расстегнув пару пуговиц, стянул рубашку через голову.

– Привет, – Ира улыбнулась и отложила телефон, – я ждала тебя.

Она тоже была красивой, просто по-другому. Фигуристая, загорелая, светленькая. Приятная во всех отношениях. Мы хорошо жили: она доверяла мне и не делала мозги – это очень важные качества в жене.

– Как тебе третье сентября?

Мне было сейчас совсем не до свадьбы. Щелкнула пряжка ремня, и я достал член. Подошел к кровати и потянул Иру на себя.

– Завтра об этом поговорим, а сейчас разденься для меня...

Она смущенно улыбнулась – мы не практиковали ролевые игрища, но сегодня мне хотелось разврата и перевоплощения. Бретельки упали с плеч, оголяя пышную грудь. Я сжал левую и протяжно выдохнул, ощутив на головке члена теплые губы.

– Люблю тебя, – прошептала Ира и откинулась на простыни, широко разводя ноги.

Перед глазами на мгновение встало лицо Романовой с пронзительным взглядом дикой волчицы. Блядь! Я тряхнул головой и, подмяв под себя невесту, без особой прелюдии воткнул член.

– Пошли нахрен! – тихо велел непрошенным предательским мыслям. С этим наваждение нужно что-то делать...

Глава 2

Алена

– Тянемся-тянемся, глубокий вдох и... выдыхаем! Одна, вторая рука, – я хлопнула в ладоши. – Всем спасибо, жду на следующей тренировке.

Я попрощалась с группой и перевела дух. У меня целых пять минут перерыва! Еще два часа здесь, потом в клуб. Но хотя бы не с детьми. С ними ох как сложно. Столько ментальных сил уходило. На стрип-пластике я отдыхала, потом растяжка и можно будет немного посидеть. У нас один хореограф заболел, другой в отпуске, как итог на меня повесили дополнительные часы: я работала с подростками и женщинами, теперь и малышковые группы со мной. С двух часов дня до десяти пахала. Но я не против: дочка в садик пошла, а за него нужно платить.

– Мам, привет, вы как? Ложитесь уже?

Начало девятого, пора бы спать.

– Покушали, искупались, сейчас Катюша мультик смотрит. Ты сегодня во сколько?

Я вздохнула, кивнув входящим в зал. Долго я, долго.

– Поздно, мам. До двух. Поцелуй за меня Катю.

К сожалению, у меня было совсем мало времени, чтобы быть хорошей мамой своей девочке. Кому-то из нашего де-

вичьего трио нужно работать. Так вышло, что бремя добытчика легло на меня. У меня прекрасная мама, которая помогала с ребенком. Слишком молодая – всего сорок три – чтобы называться бабушкой, но, видимо, на роду у нас написано рожать в двадцать лет. Так же, как и воспитывать в одиночку. Я своего отца не знала. Мама по первой сказками кормила, а когда я сама начала понимать что к чему, то с расспросами больше не приставала. «Так бывает» – это выражение для меня приобрело вполне конкретное определение. Знакомое. Моя дочь тоже не успела познакомиться со своим папой. Он погиб. Разбился на машине. Любил гонять без правил и ограничений. Семен Разин в принципе их не признавал, за что и поплатился. Сожалела ли я, что моя дочь осталась без отца? С учетом наших отношений – нет. Но чисто по-человечески жаль его, молодой совсем был. Так бывает... Что-то такое скажу своей дочери, когда придет время.

– Всем добрый вечер, становимся на разминку!

Закончила в десять вечера, приняла душ, переоделась, сделала макияж. По сравнению с дневной нагрузкой, клуб – мелочи. Моя зона ответственности – официанты: чтобы гости были с полными бокалами, а столики вовремя убраны. Единственный минус – заканчивала поздно. Без сил просто. Ничего, подкоплю еще и уйду. Эти деньги нужны мне – в планах открыть свою студию танцев. Но пока это только мечты.

– Опаздываете, Алена Владимировна, – добродушно по-

пенял один из наших барменов.

– Работай! – улыбнулась в ответ. – У гостей пустые стаканы.

Я прошла к изящной стойке, за которой стояла (и даже иногда удавалось посидеть) и натянула любезную улыбку. У нас уже неделю ходил слух, что Ярослав Игоревич приедет, поэтому все должны быть в боевой готовности. Некоторые думали, что у нас с ним особые отношения. В каком-то смысле это правда: он старший брат Семена, от которого по молодости не хватило мозгов держаться подальше. Родной дядя моей Катюши. Он предлагал мне деньги на содержание племянницы, но я отказалась. Жизнь приучила, что от мужчин не стоит ждать альтруизма и добрых дел просто так. Они всегда что-то требуют взамен. Я не хотела связываться еще с одним Разиным, но и грубо отмахнуться от него не могла. Не тот человек. Сошлись на моей работе у него. За очень приличные деньги.

Племянницей Ярослав интересовался весьма опосредованно: слишком занят был, но подарки передавал. Я была бы не против, если бы вообще забыл о нас – такие мужчины пугали меня больше, чем открытые агрессоры: от последних знаешь, что ожидать, а такие как Разин старший сегодня улыбались, а завтра без сожаления голову отрывали.

– Привет, дорогая! – ко мне подошла Лика, танцовщица. В быту она Людмила, но для пилона это не слишком звучно. – Твой красавчик пришел, видела?

– Он не мой, – шикнула и бросила короткий взгляд на вип-столик. Последние два месяца ОН приходил через день и садился так, чтобы видеть меня. Это мне не нравилось.

На типичного поклонника женской красоты не походил, хотя и улыбался так, что девчонки пищали от восторга, доставая из трусиков купюры. Но глаза оставались холодными, а взгляд расчетливым и циничным. ОН ни разу не заговорил со мной или еще как-то проявил внимание, только смотрел. Это беспокоило и пугало. Если таким что-то нужно от тебя, то ничего хорошего не жди: сожрет и не подавится.

– О, смотри! – через час Лика снова подошла, – Таська к красавчику твоему подвалить решила.

Я не стала поправлять, что мужчина совсем не мой, а молча вышла. Домой позвоню, мама скинула смс.

– Что случилось? С Катюшей?

– Нет, все хорошо. Дочь, сказать хотела: молоко закончилось и каша рисовая. Та, которая хлопьями.

Я закатила глаза, но вслух ничего не сказала: я полностью доверяла дочь матери, но в некоторых вопросах она настолько инфантильна и не подготовлена, что руки опускались. Конечно, мне ночью легче сходить за покупками, ага.

– Хорошо, мам, заеду в круглосуточный.

Иногда я чувствовала себя старше, чем она. Это мне нужно заботиться о них обеих. Мама всегда была женщиной, которой нужна мужская опека, но в любви ей категорически не везло. Я рано поняла, что нужно быть взрослой, нужно уметь

рассчитывать только на себя и нести ответственность. И за мать тоже. Но главным для меня все же была ее безоговорочная поддержка: когда пришла к матери в слезах и рассказала о беременности, что аборт грозит бесплодием, что жить не хочу, потому что отец этого ребенка... После всего, что он сделал... Мама, приняла и поддержала, ни слова упрека. Она взяла на себя заботу о внучке, а я ушла на заочное и начала работать. Мы трое – все, что есть друг у друга.

– Красавица, вам не холодно?

Боже, очередной тупой подкат. Мужчины вне зависимости от финансового положения делились в основе своей на две категории: те, кто знакомился глуповато и те, кто брал агрессией. Это не плохо и не хорошо, просто так есть.

Я обернулась, когда меня приобняли за талию: хотела отшить – надо бы мягко, но хотелось грубо, – но все пошло по иному сценарию, стоило увидеть, кто передо мной. Тот самый ОН. Мужчина, который смотрел. Мне не нравилось, что было в его глазах: презрение и похоть. И, возможно, удивление. Даже не знаю, с чем связанное.

– Не играй с огнем, дикарка, – процедил сквозь зубы и отшатнулся с таким видом, словно это я караулила его и заигрывала!

ОН ушел, а я еще долго стояла, обнимая себя за плечи. Мне всегда казалось, что интуиция меня не подводит – вот и сейчас вопила, что это «знакомство» мне аукнется.

Домой вернулась около трех часов утра. Было тихо. Тот

самый час волка: когда те, кто в безопасности, крепко спали, а те, кто охотится в ночи, делали свое дело. Были еще жертвы. Но они нигде и никогда не чувствовали себя в безопасности.

Разобрала пакеты и тихонько прошла через гостиную, стараясь не разбудить маму. У нас небольшая двушка на западе Москвы. Дом старый, но приличный – не слышно, как соседи шоркали, и на том спасибо. Правда, сейчас каждый шаг отдавался гулким эхом. Тихо приоткрыла дверь спальни и проскользнула внутрь. Катюша сладко спала в кроватке, приставленной к моей постели. Я осторожно поцеловала ее в пухлую щечку, темные волосы погладила. Дочь была похожа на меня, а я на маму. Слышала, что есть поверье: девочка, похожая на мать, несчастной будет. Я уже ощутила это на себе, а мне всего лишь двадцать три. Для своей малышки не хотела такого. В лепешку расшибусь, а сломаю эту порочную тенденцию!

Вытерла одинокую горькую слезинку. Я так любила свою девочку, хотя ненавидела ее отца. Несмотря ни на что любила, но все чаще чувствовала себя плохой матерью. Не я с ней, когда засыпала, болела или рисовала очередную забавную абстракцию. Я плохая мать, которая очень хочет стать хорошей. Я забирала у дочери свое время, чтобы дать все необходимое и даже больше. Чтобы ни в чем не нуждалась, не чувствовала себя хуже других. Чтобы не думала, будь у нее папа, мы жили бы лучше. У моего ребенка все будет!

Все, чего не было у меня!

Еще неделю я прожила спокойно: на работе все стабильно, впереди лето, и я очень рассчитывала на отпуск у моря. Того мужчину, которого про себя называла просто ОН, больше не видела. И слава богу. Под его взглядом слишком противоречивые эмоции одолевали.

– Катюша, на горшок и купаться! – крикнула дочери. У меня сегодня были свободные два часа перед сменой в клубе. Можно было провести время дома. – Мам, я деньги тебе на карту скинула: завтра поедете в торговый центр, посмотрите новые босоножки на лето, шорты, майки.

Я уложила дочь и собралась на работу. Доехала на такси. Все было как обычно. Гости отдыхали. В основном влиятельные и обеспеченные мужчины, редко, когда заходили залетные прокутить зарплату. Меньше всего ожидала, что в этом месте может произойти что-то подобное:

– Здравствуйте, – ко мне подошел мужчина. Совершенно не примечательный, – у нас есть к вам пара вопросов, – и предъявил удостоверение.

– Ко мне? – сглотнула нервно. Силовикам я доверяла примерно так же, как бандитам. Там сущность одна.

– И к Ярославу Игоревичу Разину, естественно. Знаете такого?

Ответить не успела, вздрогнула от неожиданности и ошеломленно распахнула глаза: ворвались мужчины в камуфляже, с автоматами и грозными взглядами. Крики, вопли, звон

разбитого стекла. Я не шелохнулась, с деланным спокойствием наблюдая, как укладывали на пол гостей и персонал. В зал вошли еще люди, перед ними омоновцы расступились. Я шумно выдохнула: синий мундир, звезды на погонах, жесткий взгляд на породистом лице. Это был ОН.

– Генеральная прокуратура, – показал корочку и кивнул рядом стоящему мужчине. – В отделение ее.

Все, кажется, мое время жить по-прежнему вышло...

Глава 3

Дима

– Твой кофе, – Ира поставила передо мной любимый черный американо без сахара и присела рядом. – Сегодня пойду в салон выбирать свадебное платье.

– Угу, – бросил, продолжая работать. В наше время главное оружие прокурора голова, ручка, компьютер, а работать всем этим нужно двадцать четыре на семь. И красноречие, куда без этого. Сегодня встреча с товарищем из следственного комитета, будем решать, как нашего «барана» в стойло загнать.

– Организаторы, правда, такие медленные: до сих пор не согласовали меню с рестораном. Я им говорила, чтобы заменили кальмаров на крабов. И морской гребешок обязательно...

– Угу.

Ира продолжала посвящать в тонкости подготовки свадьбы, которые мне были совершенно не интересны. У нее и без моего мнения все прекрасно получалось. Ей бы заняться чем-нибудь подобным, агентство, может, какое открыть. Ира работала в компании наших отцов и числилась целым директором по маркетингу, но по факту только зарплату получала. Не ее это, быстро перегорала. Может, и с нашей сва-

дьбой так произойдет: устанет организовывать. Я бросил на нее искоса взгляд. Это вряд ли. Ирка слишком упорно к этому шла: не давила, но и не забывала, что хочет стать госпожой Небесной.

– Дим, – она поднялась и пересела ко мне на колени, – нужно заявление в загс подать. Когда пойдем?

Я оторвался от монитора и посмотрел на кусты каких-то цветов, которые домработница высаживала у нас на террасе. Красоту наводила. Внизу центр Москвы, все кипело и бурлило, а у нас тихо, даже голуби не долетали. Так, о чем Ира спрашивала? Ах, заявление.

– У меня в Грибоедовском знакомые есть. Только дату назови.

– Третье сентября, забыл? – обижено надулась.

– Хорошо, – подхватил на руки и посадил на соседнее кресло. – И Шуфутинского не забудь пригласить. Я календарь переверну и снова третье сентября, – пропел шутливо.

– Да ну тебя!

– Я поехал, – чмокнул ее в лоб.

– Может, поужинаем где-нибудь вечером?

– Не знаю, – шагнул в гостиную. В гардеробной прошел: снял с вешалки пиджак, поправил галстук, платок чистый в карман положил.

– Опять поздно? – Ира за мной по пятам.

– Думаю, да, – и повернулся. – Сходи с подругами.

– Ладно. Я люблю тебя.

– И я, – ответил на автомате и поехал в прокуратуру.

Ирка привыкла, знала, что это мой максимум. Любовь настолько абстрактное, эфемерное, не приносящее практической пользы чувство, что я даже не пытался размениваться на него. Есть более важные составляющие союза мужчины и женщины – комфорт на пример. Как моральный, так и физический. Если вместе нормально, то лучшего просто не найдешь. Ну если нет желания остаться с вытраханной кукушкой. Мои друзья тому прямое доказательство. К одному такому как раз заехать собирался.

– Здорова, Арс, – побратались с другом. Мы вместе учились, потом я ушел в прокуратуру. Арс в полицию. Сейчас в следственном комитете отдел по противодействию коррупции возглавлял. С ним мы и разрабатывали Разина и Ко. У каждого свой интерес был, помимо торжества закона, естественно. Арсений Ковальский бодро взбирался на Олимп власти – один из подозреваемых очень важная фигура, которую Арс с удовольствием сменит в должности. Для меня это стало делом принципа: не люблю, если меня обходят на поворотах. Ну и плюшки, да. Я в меру честолюбив и должен быть первым. Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом.

– Что там с ордером? – поинтересовался деловито.

– К вечеру будет. Слышь, пойдем, попиздим и поедим где-нибудь на нейтральной территории.

Мы поднялись и вышли из кабинета. Я краем глаза заме-

тил, как Арс обменялся с молоденькой помощницей в лейтенантских погонах многозначительным взглядом. Два года как на его свадьбе отгуляли, неужели уже приелись объятия любимой жены? А ведь говорил, что там любовь до гроба. Не зря, значит, я не верил в это чувство.

– У вас все нормально? – спросил, когда присели за столик на веранде приятного ресторанчика на Арбате. Арс сразу понял, о чем я. Мы втроем: я, он и Демид с учебной скамьи вместе. Только мы двое остались в силовых структурах, а Дёмыч в бизнес ушел, но дружбу сохранили. В нее, дружбу, я, кстати, очень верил: мои пацаны меня никогда не подводили.

– Да по-разному. Линка на работу вышла и что-то у нас терки по этому поводу. А пигалица со службы – это так, флирт для разрядки, – бросил как что-то совершенно незначительное. – Блядь! – не выдержал, добавил в сердцах.

– Да какая ж ты блядь? – иронично заметил, просматривая меню. – Так, маленький шалун.

– Да пошел ты, – не злобно ответил. – Осуждаешь?

Это уже серьезно... Я отложил лист с летним предложением от шеф-повара и внимательно посмотрел на друга:

– Не в моих привычках осуждать. Но ты подумай хорошенько, прежде чем решить, что дальше. Если ты, конечно, реально любишь, – нарисовал пальцами кавычки, – свою жену.

– Ладно, доктор Фрейд, оставим философию. Держи, –

положил передо мной папку, – нарыли все, что смогли. Не привлекалась, в криминале не замешана, – и фотку достал: – Красивая, – и в меня насмешливым взглядом стрельнул.

Я не ответил, сразу принялся читать. Да, попросил собрать информацию о любовнице Разина. Мужики любят потрепаться в постели с соблазнительной женщиной. Хотят похвастаться и распушить хвост. В моей практике эта теория доказана не раз.

Алена Владимировна Романова. Двадцать три года. Не замужем. Окончила Московский институт искусств. Есть мать. Отец неизвестен. Я так понял, что отчество у нее по деду. Есть дочь. Три года. Это уже интересно.

– Кто отец? – сухо поинтересовался.

– Доподлинно неизвестно, но Разин светился возле ребенка. Выводы делай сам.

– Ясно.

– Слышь, Димон, а у тебя-то самого интерес исключительно профессиональный? Или как? – подначивал меня. – Встал на девчонку? – Арс шутил и сам угорал. А вот мне совсем не до смеха было. Эта Алена засела в башке, как заноза. Мне это очень не нравилось. Нужно закрывать Разина и возвращаться мыслями в правильное русло. У меня свадьба скоро и размениваться на шлюх без роду и племени ни с руки.

– Красивая, согласен, – взял распечатанный снимок. С водительского удостоверения вроде. Такой невинный вид: губы, глаза, ресницы длиннющие. Темные волосы красиво об-

рамяли лицо. Если бы не знал, кто она, подумал бы, что ангелок. Правда, взгляд такой, что внутри все переворачивалось. словно она войну всему миру объявляла. – Но бляди меня не привлекают. Ты ж знаешь.

– Знаю, – кивнул согласно. Естественно, мы втроем блядствовали! Еще как! В бытность нашей молодости, пока были свободными и не обремененными обязательствами, но я всегда испытывал брезгливость к доступным женщинам. Не мое совать, куда все пихают. Тем больше удивление, что мыслями к Романовой возвращался. И не только мыслями: секс с Ирой превратился в сплошную сублимацию. С этим пора заканчивать.

Вечером группа быстрого реагирования вместе со следователем и оперативниками выехала в «Nuар». Я мог бы остаться в прокуратуре и ждать результата обыска, но отправился с ними. Хотел лично убедиться, что Алену Романову доставят в отделение. Разговор есть.

Мне любезно предоставили кабинет. В допросную еще успею перейти. Алена первые секунды, когда только глазами в клубе встретились, была ошеломлена и испугана. Сейчас же сидела напротив и смотрела мимо меня. Прямо и гордо. Совершенно не понятно, что у нее в голове происходило.

– Пожалуй, начнем, Алена Владимировна, – я демонстративно посмотрел на часы. Два ночи. – Какие отношения вас связывают с Ярославом Разиным?

– Мне нужно позвонить. Верните телефон.

– Этот? – я разложил на столе содержимое ее сумочки: здесь и мобильный, и паспорт, и разные женские штучки. – Звоните, – протянул свой.

Она быстро набрала номер, а я приготовился слушать и, если что, прекратить разговор. Разина еще не взяли. У него много интересного изъяли в подвале. Конечно, еще придется доказать, что это его контрабандная продукция, но полдела сделано.

– Мам, – услышал тихое, – я сегодня не приду. Нет-нет, все хорошо, – быстрый взгляд на меня, – просто не волнуйся. Я позвоню завтра.

Она закончила и положила телефон на стол. Звонок маме. Разжалобить хотела? Не выйдет.

– Алена, мне повторить вопрос?

– Ничего не связывает, кроме работы, – ответила ровно.

– Вы ознакомились с описью изъятых? Сейчас мы просто беседуем. Вы проходите свидетелем, но одно мое слово и вы соучастница. Поэтому в ваших интересах дать показания. После я лично сопровожу вас домой. К маме.

– Я не буду отвечать без адвоката.

– Что вы знаете об «АлкоМед»?

– Я не буду отвечать без адвоката.

Повторила, глядя прямо перед собой. Я усмехнулся. Она что, реально думает, что у нас тут Швейцария? Что ее права кого-то волнуют? Мне ничего не стоило повесить сегодняшней улов на нее и оформить лет на семь в места не столь от-

даленные. Только мне нужно не это. Хотя бы здесь дикарке повезло. Но по-плохому я все еще могу сделать, просто иначе. Уйма вариантов психологического давления.

– Хорошо подумала? – жестко спросил. Романова даже не шевельнулась. Смотрела в стену. Это бесило. Я хотел, чтобы она видела меня.

Я поднялся, обошел стол, остановился рядом. Алена опасно повернулась и подняла на меня глаза. Мой пах был прямо напротив ее лица. Женщина и насилие – старо как мир и также эффективно. Я редко пользовался этим приемом и только в начале службы. Сейчас и допрос-то вести не должен, перерос это все, но это мое личное решение.

Рука сама дернулась к розовым губам, и я провел большим пальцем по нижней, полной и очень мягкой. Видел, как нервно дернулись длинные ресницы. Как приоткрылся рот. Дыхание сбилось. Возможно, даже у меня. Развиваться события могли двумя способами: Романова решит ублажить меня, смягчая линию обвинения, или начнет орать. Второе не поможет – сюда не войдут без отмашки. А первое...

Я удивленно вскинул бровь, когда вопреки предположениям, Алена поднялась. Я был слишком близко, чтобы не ощутить мимолетное касание упругой груди и крепких бедер. Романова достаточно высокая, да еще и подбородок вздернула, глядя прямо на меня. И столько было в этом взгляде дикого и непокорного. Говорившего, что могу делать, что угодно, но это не даст мне ничего. Она, Алена, так

думала. Упрямая и наивная.

– Я не буду отвечать без адвоката, – произнесла тихо, чеканя каждое слово. И я следил. Не слушал, только смотрел на губы. Читал по ним.

– Будешь молчать? – спросил напряженным шепотом. Она не ответила. – Или кричать? – впечатал в себя, агрессивно сжимая ягодицы. Хотел напугать, но у самого башню снесло окончательно. Запах цветов в волосах ударил по обонянию. Рефлекс самца, почуявшего течную самку, разыграл. Алена дрожала в моих руках, а все, чего хотел я – это узнать, насколько влажно у нее между ног.

– Отпустите, – проговорила медленно, буравя своим туманным взглядом. Неа... В волосы пятерней зарылся, намотал на кулак и запрокинул голову. Не могу отпустить, не хочу, не сейчас.

Жадно набросился на сочный рот. Такой невинно порочный. Греховный поцелуй двух грешников. Я нападал, она поддавалась. Языком ласкала меня, хотя руками отталкивала. Хочет. Хочет, чтобы выебал здесь и сейчас. И я хочу. Блядь, Я ХОЧУ!

Телефон на столе ожил. Это отрезвило. Я резко отстранился, пропихнул в легкие воздух с головокружительным ароматом порока и перешел на другую сторону стола. Мгновение, и на лице маска холодного презрения.

Алена держалась за стул, покрасневшая и растрепанная. Взгляд исподлобья растерянный. Это что-то новое в зоо-

логии волчиц. Ударил по кнопке вызова, в кабинет вошел оперативник.

– В камеру задержанную.

Романова бросила в меня испепеляющий взгляд, но ушла, не проронив и звука. Я оперся о крышку стола. Мне нужно успокоиться. Или, наоборот, сбросить пар. Домой поеду. Мне нужна женщина! Ира нужна. Должна быть нужна Ира!

Глава 4

Дима

Я добрался домой минут за пять. Гнал, как не в себе. Наплевав на правила, безопасность и рациональность. Мигалку поставил и летел, обгоняя ветер. Словно от демона бежал. Ведьма с невинным личиком и взглядом дикой волчицы. Я ударил по рулю, выпрыгивая из тачки. Понять не мог, что меня так заклинило? Баба как баба. Ну красивая, да. И? И, блядь?! Объясните мне кто-нибудь?!

Открыл дверь, порывисто сбросил китель, заметил туфли, лежавшие в коридоре. Ира вроде с подругами ужинала сегодня. Выпила, наверное. Ей хватало пары бокалов, чтобы стать «тепленькой», если больше, то можно заносить. Свет нигде не горел: я хлопнул в ладони, и тусклая серебристая подсветка побежала по потолку. На полу обнаружил один чулок и синее платье. Настроение из перевозбуждено плохого, стало опасно хреновым. Мы жили вместе чуть больше года и такие загулы случались раз или два.

Щелкнул ночник в спальне, больше не опасаясь разбудить невесту. Она спала в одном белье со свисавшим со ступни одиноким чулком. Состояние «тело», алкогольная кома. Некоторым лучше не пить. Нет, Ира не буянила и не исполняла под градусом, но чуть больше нормы – и живой труп

обеспечен.

Я присел рядом, провел пальцем по кружеву трусиков, бедро сжал. Член отозвался болезненной эрекцией. Мне сейчас ох как необходима женщина. Приют, тыл, тормоз и напоминание, что мне совсем не нужно усложнять жизнь. Но что-то не то. Совсем не то.

Я ласкал, смотрел, распался. Себя, естественно. Настроиться на эту женщину пытался. Красивую, с роскошными бедрами и пышной грудью. Голубыми глазами и светлыми мягкими волосами. Приятную, знакомую, понятную. Только я не любил ее. Я вообще женщину никогда не любил.

Наше знакомство случилось пять лет назад: Ира вернулась из Лондона. Училась там. Отцы быстро задумали повернуть каверзу с династическим браком. Скрепить партнерство, так сказать. Поначалу я не обращал внимания на намеки родителя, затем заметил, что все чаще мы с Ирой оказывались в одной ложе в опере или в театре. Посещали одни и те же светские приемы и сидели рядом на званых ужинах. У нас были общие темы, общие знакомые и даже общий бизнес. У меня в большей степени, мы с папой в равных долях владели акциями компании, у нее по отцу. Но Ира единственный ребенок, наследница, а меня Герман Львович считал сыном и мечтал породниться.

Это был выгодный союз. Да и с Ирой мы были приятны друг другу. Понимание, комфорт, секс. Она говорила, что любит. Я отвечал, что тоже. Не хотел обижать.

Вряд ли мог бы найти кого-то более подходящего мне, а в любовь я не верил. Не хотел верить и тем более испытывать.

Тяжело поднялся с кровати и направился в гостевой душ. Разделся, выкрутил кран, чтобы ледяная вода смыла вкус чужих губ и запах цветов с кожи. Чтобы голова ясной стала. Чтобы член наконец упал.

В любви я не видел ничего хорошего. С детства. Моя мать любила меня и отца, а потом очень полюбила антидепрессанты. Меня замечать перестала, как и отсутствие папы. Мне было пятнадцать, и я давно уже ничему не удивлялся: у него любовницы, у нее таблетки. Единственное, чего не знал наверняка, что началось раньше: бабы или зависимость от психотропов? Что первопричина?

До моих шестнадцати мама не дожила. Передозировка. Я ее нашел. В спальне, с пеной на губах и широко распахнутыми глазами. Откачать не успели. Вот такая история любви Александра и Елизаветы Небесных. Токсичная, злая, убогая любовь. Теперь у меня аллергия на это чувство.

Выключил воду и схватил полотенце. Резкими злыми движениями растер тело. Вспомнил родителей, и такая злоба взяла. Вроде прожил давно, отрефлексировал, в прошлом оставил, но сегодня все шло не так: на голых инстинктах, ярости, вопреки доводам здравого смысла. Волна застарелого гнева смыла едва обретенное спокойствие. На отца. На мать. На эту Алену, которая отравленным шипом, порочным зудом в меня войти пыталась. На пьяную Ирку. На всех без

исключения!

С первым у меня были ровные, но сложные отношения. О матери старался не вспоминать. Невеста — там ничего нового, все по плану, кроме сегодняшнего коматоза. А эта Романова... Я очень жалел, что пришел в клуб, согласившись с Демидом разгрузиться в приватной обстановке. Ничего криминального: выпили, покурили, на девок посмотрели. Он посмотрел, а я случайно столкнулся с девчонкой: один, сука, взгляд, и меня токомшибануло! Стопроцентное попадание в фантазии об идеальной женщине. Той, которую в мире и не встретишь. Мечта. А потом узнал, что с Разиным трется, с бандитом современного разлива. В клубе работает, где за дополнительную плату можно отыметь любую. Такой злостью тогда накрыло. Словно мечту, хрустальный шар, сладкий сон взяли и в цвет дерьма окрасили. Естественно, никаких планов на девушку не было, но осадок остался. И сегодня накопленное вырвалось наружу. Алой похотью мир окрасило.

Я хотел ее. Романову. Алену. И она хотела. Я почувствовал это. Можно подавить грешное желание или дать свершиться, чтобы это не стало катастрофой. Утолить интерес, голод, зуд в паху и вернуться к прежней жизни с трезвой головой.

Я надел джинсы, водолазку, набросил спортивный пиджак. Это просто секс. Это ничего не значит. И я его получу!

Глава 5

Алена

Я оказалась в тюрьме. Я. Оказалась. В. Тюрьме. Это не укладывалось в голове, даже после того, как закрыли камеру. Ошеломленно оглядела маленькая комнатка с длинной подвесной лавкой, скудно освещенную и, несмотря на конец весны, холодную. Стылостью веяло. Обхватила себя руками, пытаюсь успокоиться, но крупная дрожь бесконтрольно сотрясала, и это не связано с прохладой.

Как я позволила втянуть себя во все это?! Я же ничего плохого не делала! Ни в чем не замешана! К Ярославу имела весьма опосредованное отношение. С чего этот прокурор вообще взял, что у нас что-то личное?! Что ему нужно от меня? Сдать Ярослава? Так я ничего не знала, но даже если бы знала – молчала бы. Не хочу остаться без головы. Разин не посмотрит, что я мать его племянницы. Переломит и не поморщится.

Но и здесь нельзя оставаться! У меня дочь и мама – не смогут они без меня. Мне домой нужно! Только вот ОН с меня не слезет. Это я чутьем ощутила с первого взгляда. А сегодня поняла окончательно. Очень дорого мне может обойтись его интерес.

Как так вышло, что он оказался представителем власти?

Нет, не закона. Именно власти. У таких людей с законом общего, только корочка и запись в ней, но ни моралью, ни этикой, ни верховенством права даже не пахло.

Мне было страшно. Я боялась его. Когда глаза темно-синие прожигали. Когда подошел близко. Когда аурой власти подавить пытался. Запугать хотел, силой и могуществом размазать. Показать, что я ничто в его картине мира и уничтожить меня можно по щелчку пальцев.

Для него я добыча, а добычу охотник загоняет, пока вкус крови на языке не разыграется. Поэтому я должна быть равной, по крайней мере стремиться, чтобы меня воспринимали именно так. Думаю, только благодаря этому меня не разложили на столе: физически, и психологически. А поцелуй...

Машинально дотронулась до губ. Подобного никогда не испытывала, даже будучи очарованной отцом Кати. Пугающее чувство. То самый омут, в который с головой, без права выплыть и выжить. Не хочу больше так. Слишком обжигающие эмоции. Или я просто долго была одна?

Я вздохнула и села на лавку. Хорошо, что заперли в одиночной камере. Без соседей как-то спокойней. Что меня ждет здесь? Если не предъявят обвинение, то должны выпустить. Правда ведь?

Гулкие шаги заставили испуганно встрепнуться. ОН вернулся...

– Открывай, – бросил резко, и полицейский молча подчинился. – Идешь? Или здесь понравилось?

– Я? – уточнила изумленно.

– Ты видишь здесь кого-то еще? – спросил с непробиваемым лицом.

Под тяжелым взглядом замешкалась на пару секунд, но все же шагнула на свет. У меня совсем не было уверенности, что там, на воле, мне безопасней, чем здесь. Но все же свобода милее, чем заключение.

Под молчаливым конвоем прошла по темным коридорам. Никого не было, кроме дежурных.

– Моя сумочка, – заикнулась было.

– Завтра получишь.

Мы вышли через неприметную дверь куда-то во внутренний двор. Было тихо и холодно. Ночь ближе к утру еще очень зыбкая, совсем не теплая. Я застыла на пороге: у меня нет денег, телефона и четкого понимания, где я. В центре – это точно. Топать пешком прилично.

Искося увидела, что ОН обменялся с каким-то мужчиной в гражданской форме парой фраз и ко мне направился. Ладонь чуть выше ягодиц положил и надавил, подталкивая в нужном направлении. Я оказалась перед черным внедорожником. Передо мной распахнули пассажирскую дверь.

– Спасибо, но я сама.

Не хочу ехать с ним. Боюсь.

– Садись, – подтолкнул к сиденью, пришлось забраться. Кажется, эта ночь будет еще длиннее, чем предполагала десятью минутами ранее.

– Куда мы едем?

Молчание. Нет, я сориентировалась, понимала, где мы, но это не давало представления, куда направляемся. Незаметно нажала на ручку двери – заблокировано. Вряд ли я отважилась бы на прыжок, но это все же оставляло место для маневра.

– Как хоть вас зовут?! – нервно воскликнула. ОН уверенно вел машину, глядя исключительно на дорогу, но крупные руки, наклон головы, плотно сжатые губы выдавали напряжение. Только не тревожное, как мое, а решительное и злое.

– Дмитрий, – сухо бросил, после продолжительного молчания.

Никаких сальных взглядов, пошлых улыбок и скабрезных намеков, только я все равно чувствовала себя словно голая. Странное некомфортное чувство.

Мы заехали на подземную парковку одной из башен Москва-Сити. Мне ничего не оставалось, как молча выйти из машины и также молча войти в лифт. Десять, двадцать, тридцать. На тридцать пятом я решилась.

– Куда вы меня привезли?

– Ты знаешь, Алена, – ответил практически на ухо. Двери лифта распахнулись не на этаже, а прямо в квартире. Ночь шла на убыль и даже без дополнительного света в глаза сходило бросалась минималистичность апартаментов: мерцающие витражи, пушистый ковер, большая кровать. Спальня. Точнее, студия: одна огромная комната с баром и прозрачной

стеной, отделявшей ванную.

Я шагнула назад, не хотела выходить из лифта, но спиной уперлась в твердую мужскую грудь. Обернулась резко, но всепоглощающая тьма на лице прокурора пугала еще больше. Я чувствовала себя загнанной в угол. Когда моя жизнь свернула не туда...

– Дмитрий, вы, наверное, что-то не так поняли, – максимально дистанцировалась от него. Отошла к самым окнам. – Меня дома ждут. У меня муж...

Его должно смутить это. Мужики не любят делить женщин. Вроде бы. Наверное. Должно так быть!

– У тебя нет мужа, Алена. Только дочь и мать. И Разин. На твоих любовников мне плевать, – и, скинув пиджак, рывком стянул водолазку. – Называй меня Дима.

Он медленно двинулся на меня. Высокий, поджарый, опасный. Прокурор собирался взять меня и не скрывал намерений. Видимо, это плата за свободу. Или что?

– Дима, – постаралась достучаться до него. В тюрьму я не хотела, но и такую плату не готова отдать, – я не могу. Я не хочу...

– Я хочу. – обрубил и выбросил руку, притягивая к себе. Жесткие темные волосы царапнули ладони, когда в широкую грудь уперлась. – Хочу тебя, Алена, – крутанул резко и рванул молнию платья. – Пиздец, как хочу, – ловко лифчик растегнул и сжал сосок. – И ты хочешь, – прижался пахом к мои ягодицам.

– Я не шлюха, – дернулась из кольца сильных рук. Ответом был саркастичный смешок. Рука скользнула между ног, сжимая лобок. Я попыталась свести бедра, но Дима раздвинул их коленом.

– Я же говорил хочешь, – сдвинул полоску трусиков и провел по нижним губам. – Попробуй, – поднес к моему лицу блестящие от смазки пальцы.

– Нет... – выдавила и вырвалась. Недалеко. Дима легонько толкнул меня на кровать и подошел близко. Кивнул на пояс брюк.

– Расстегни.

Меня это задолбало! Я ему что, безотказная девочка?! Пусть обратно в отделение отвозит! Не буду я насасывать на свободу!

– Нет! – подняла на него полный ненависти взгляд. Ненавижу властных мудаков!

В его глазах что-то вспыхнуло: недоброе, темное, порочное. Дима кивнул и щелкнул пряжкой. Я сглотнула, когда достал возбужденный член. Медленно провел ладонью по всей длине и ткнул мне в губы влажной от возбуждения головкой.

– Возьми, – шепнул, зарываясь пальцами в волосы. Сволочь. Просто сволочь. Он все равно сделает, вопрос только как дорого мне это обойдется. Но и смириться просто так не могла. Обняла его за пояс, языком пробежалась по терпкой плоти. Дима шумно втянул воздух и глухо застонал. Я со

всей силы ногтями впилась в поясницу. Надо было бы откусить ему хозяйство, чтобы не повадно было, но жалко. Себя, естественно. Ни его. Сидеть еще из-за козла!

– Блядь! – выругался Дима. Я с удивительной для самой себя прытью перекувыркнулась. Сбежать хотела. Пусть в одних трусах, но какие у меня варианты?! – Дикая кошка, – поймал щиколотку и потянул. Подмял под себя и руки вздернул над головой. – Никаких ногтей, Алена. Никаких следов, ясно?

– А то что? – выдохнула в лицо.

Дима каким-то странным взглядом прошелся по моему лицу, потом с обреченной злостью рот закрыл. Целовал, пока задыхаться не начала. Через трусики членом промежность таранил. В шею кусал, за груди агрессивно мял, языком соски вылизывал. Наслаждение болезненное, непрошенное, запретное волнами накатывало. Я не хотела всего этого, но ничего не могла сделать. Проклятая защитная реакция, навязываемая женщинам веками: расслабься и получи удовольствие. Ничего уже не сделать, не остановить мужчину. Просто выживи, это задача номер один. Этому правилу тысячи лет.

– М-ммм, – простонала, теряя голову. Сама не сразу заметила, что больше меня не держат. Животное. Грубое и беспринципное. И я такая же. Наверное, я действительно шлюха. Шлюха у, которой не было мужчины очень долго...

– Трахнуть тебя, Алена? – приподнялся, брюки содрал и

зубами разорвал упаковку презерватива.

– Нет! – ответила резко, пытаюсь абстрагироваться от сладких приливов внизу живота. Уползти, закрыться, вырваться.

– Нет? – демонстративно натянул защиту и, рванув лямку трусиков, широко развел мне ноги, обводя горячей головкой вход. – Ты вся течешь, Алена, – вошел на полную, заставляя дугой выгнуться навстречу. Входил яростно и жестко, словно наказывал за что-то. Ощущение ласковой неги сменилось болезненным нарастающим спазмом. Завтра мое тело неприятно напомнит о дикости, которую творили со мной сегодня. Но, может, мне удастся хотя бы наполовину уберечь себя?

Я приподнялась и погладила широкую грудь с короткой порослью темных волос, в плечи вцепилась и на себя потянула. Дима на мгновение остановился, сжал меня до хруста, носом шумно провел вдоль шеи.

– Вкусно пахнешь, дикарка, – и прихватил губу, жестко, до боли. Разве это я дикарка? Это он дикий зверь, не способный на нежность. Языком обвела его губы, скользнула внутрь, целуя мягко. Бедра подняла и качнула ими, сбивая башенный ритм. Если не можешь убежать от беды, попробуй хотя бы минимизировать последствия. Сейчас от меня зависело, смогу ли я завтра подняться.

Мой полукрик-полустон от томного оргазма, нахлынувшего с неожиданной сладостью, утонул в жадном поцелуе. Дима не дал опомниться, резко перевернул, подушку под жи-

вот подложил и продолжил в излюбленной мужчинами позе подчинения. Он кончил быстро и бурно. Я почти не ощутила дискомфорта, но сполна ощутила унижение, когда взглядом с ним встретилась. Сытый, довольный, презрительный. Говоривший, что ведомая только ему истина, подтвердилась.

Я вышла из душа совсем обессиленная: ноги дрожали и ужасно хотелось спать. Сейчас, наверное, около семи утра: ни часов, ни телефона у меня не было. В любом случае мне сегодня на работу, и я не знала, как продержаться восемь часов «на ногах».

Прокурор полностью одетый, свежий и с бесстрастным выражением на холеном лице делал кофе. Пахло бодряще. Но я чувствовала себя слишком разбитой, а компания до чертиков неприятная – мне никакой кофе не поможет. А вот Дима был явно в форме. Видимо, привычный к таким мероприятиям.

– Садись, – придвинул ко мне кофе. Сам устроился с маленькой чашечкой эспрессо и стаканом воды. – Тебе точно двадцать три? – прищурился подозрительно. Без косметики я выглядела иначе. Красивой была всегда, но с макияжем яркой, а без – невинной.

– Мне одеться нужно, – проигнорировала замечание и глазами нашла платье с бюстгалтером. С трусами сложнее. Они покоились с миром.

– Одевайся, – бросил позволительно, но глаз не отвел. Изучал холодным цепким взглядом. И не скажешь, что оста-

ток ночи мучил своей похотью. Прокурор на допросе, ни больше, ни меньше.

Я не стала играть с ним в скромность: сбросила полотенце и быстро оделась. Пусть смотрит, для него это в последний раз. От кофе, как и от нахождения в непосредственной близости отказалась – села на край кровати. Домой хочу и забыть эту унижительную ночь.

– Теперь, Алена, давай заново и очень откровенно. Что знаешь про Ярослава Разина?

– Да с чего ты вообще взял, что я что-то о нем знаю?! Я работаю в его клубе. Все!

– Вы любовники. Вас видели вместе.

– Нас с вами, Дмитрий, тоже видели вместе, но мы же не любовники, – напомнила едко. Он вздернул бровь и выразительно посмотрел на смятую постель. – Я этого не хотела.

– Да ну! – саркастично воскликнул. – Прямо чести лишил тебя!

– Я тебя просила забирать меня?! – огрызнулась зло. – Внимания твоего просила?!

– Но и не сопротивлялась особо, – парировал с презрением. – Целовала сама, на хуй насаживалась. Разве, нет?

– То есть мое «нет» было бы весомее, если бы я получила по морде, порвалась бы вся внизу, отбивалась и кусалась? Плакала и орала, пока не получила бы еще раз. Да? Так? – Дима молчал. – Ты больше и сильнее. Ты все равно получил бы желаемое, а я просто хочу вернуться домой к дочери. Все!

Он опустил голову – неужели удалось пристыдить? Нет, это телефон вибрировал.

– Привет, милая, – сказал той, что звонила, а смотрел на меня. Взглядом велел молчать. Мерзавец еще и женат. – Я уже уехал. Ага, буду не поздно. Целую.

– Жена? – уточнила на всякий случай. Это можно считать козырем: не отвалит, сдам благоверной со всеми потрохами!

– Невеста, – отозвался с удивительным спокойствием. – Дочка от Разина?

– Не твоего ума дела! – поднялась и пошла к выходу.

– Я не отпускал, – схватил за руку и к себе притянул.

– Я правда ничего не знаю. Я Разину никто. Оставь меня, слышишь! Езжай к невесте, а то поругает. – Да, я завуалированно угрожала.

– Тебя забыл спросить, – за горло схватил и сжал. Не больно, но испугаться успела. – Даже не думай играть со мной. Проиграешь, девочка.

– Мне ничего не нужно: ни от тебя, ни от Ярослава. Я хочу просто уйти домой, – и приблизила к нему лицу, – и не видеть вас, Дмитрий, больше ни-ког-да!

Его ноздри хищно раздулись, а чувственные губы, наоборот, сжались в тонкую линию. Дима надавил мне на плечи, чтобы встала на колени. Я сопротивлялась. Не позволю!

– А зачем тогда возбуждаешь? – ладонь мою к вздыбленному паху прижал.

– Я расплатилась с тобой. Больше даже не...

- Значит, все-таки шлюха? – его глаза зажглись недобро.
- Я не это имела в виду...
- Телом платишь, – Дима меня не слышал. – Я запомню.

Поехали.

- Куда? – нахмурилась, пытаясь оттолкнуть его.

– Домой отвезу. И жди моего звонка. Ты свидетелем по делу Разина проходишь. Не забывай об этом, дикарка.

Я фыркнула. Ну и пусть звонит на деревню к дедушке! Телефон остался в отделении полиции. Пусть там кому-нибудь властно прибором в лицо потыкает! Я старалась сохранять боевой настрой. Мне за себя придется побороться. Это уже очевидно...

Глава 6

Дима

Я откинулся на спинку сиденья, с хищным прищуром провожая стройную фигуру дикарки Алены. Долгая ночь и смешанные ощущения. Конечно, мне понравилось с ней. А кому бы не понравилось?! Красивая, молодая, горячая. Ожидания оправдались и в чем-то даже превзошли себя, но кошки все же скребли мою темную и грешную душу. Какого-то слишком уж сильного и чистосердечного раскаяния не испытывал, но признавал, что сегодня изменил женщине, на которой намеревался жениться.

Да, это просто секс и моей невесте не стоит опасаться за свое положение. Мы оба взрослые и рассудительные люди, чтобы рушить долгоиграющие, выверенные до миллиметра отношения из-за досадного обстоятельства. Но знать Ире об этом не нужно. Зачем обижать ее? Да и истерик с ревностью неохота. Такие вещи задевали, даже если не любишь, а испытываешь исключительное право на верность. Если бы я узнал об измене, то по головке не погладил бы.

А еще эта отповедь, что не хотела Алена, выбора не оставил... Ну прямо изнасиловал ее! Ага, конечно! М-да...

– Черт, уколола знатно... – проговорил в тишине салона. Неприятно думать, что опустил до принуждения. Но разве

оно было? Разве Алена не отвечала на ласки? Разве не кончала подо мной? Когда в первый раз коснулся ее, там у клуба, сразу ощутил, что мое возбужденное напряжение нашло отклик в ней. Алена чувствовала то же самое: тянуло ее, вопреки всему тянуло! Дикая сучка посеяла зерна сомнений и оставила с ними! Мол, разбирайся, сжирай себя.

Я рукой провел по лицу, изгоняя колючие мысли. Да, виноват, но сделанного не воротишь, особенно если не жалеешь. А я не жалел. Да, я циничный мудак и никогда не притворялся другим. Я не ходок по натуре и точно не насильник, но если непреодолимо захотел женщину, то должен получить. А я захотел. Лучше сделать и забыть, чем дать влечению перерасти в наваждение.

Алена, Аленушка. С Разиным, значит, не спит. А с кем тогда? Не может такая женщина быть одна, это против законов природы! Неприятная злость вспыхнула где-то в самой сердцевине. Там, куда разум обычно не заглядывал. Нужно точно узнать про мужиков рядом. Пока я хочу Романову Алену Владимировну, никого меж ее ног быть не должно. Моя женщина принадлежит только мне! И плевать, что видеть больше не желает.

– На работе? – набрал Арса. Нужно обсудить вчерашний рейд и линию обвинения.

– Да. Приезжай. Разина тоже взяли, допрашиваем.

Отлично, хороший повод закрыть этот вопрос и забыть эту историю. Я и на Алену-то вышел только в связке с рас-

следованием. Сам не знаю, чего она так засела в голове. Наверное, гребаная сублимация, как говорят ушлые мозгоправы. Не смог сходу завалить Разина и взялся за его девицу. Только девочка оказалась с секретом и с острыми зубками. Не думал, что она такая. Не мог объяснить, какая именно, но представлял себе подобную особу несколько иной. Телочкой: красивой, падкой на бабки, игривой притворщицей. А не злобной и дикой кошкой! Но так, признаться, интересней. И это хреново...

– Ну что там у нас?

Я приехал в следственный комитет. Бодрым. Не спал всю ночь, настроение на грани, но сил, как у молодого быка, готового на подвиги. Не скажу, что это мне нравилось. Отвлекало.

– Улов есть, – протянул протокол изъятия. Я быстро пробежался глазами: для начала неплохо. Хватит, чтобы предъявить обвинения и закрыть в СИЗО на время. Правда, если адвокаты его постараются... Ничего, залог обеспечим такой, что дешевле сидеть будет.

– А что за дела с девчонкой? – насмешливо поинтересовался Арс. – Мне доложили, что ты забрал ее вчера ночью. Не ожидал, – хмыкнул понятиливо. – Еще не женился, а уже налево сходил.

Я перевел на него невозмутимый взгляд.

– Нужно убрать девочку из материалов следствия. Она не при делах.

– Да что ты?! – с деланным удивлением воскликнул Арс. – Это она тебя убедила?

– И пусть вернут ее вещи: сумку, телефон, прочее барахло.

– Димон, смотри, поаккуратней, – ухмылка испарилась моментально. – Чтобы проблем не было.

– Какие она может организовать мне проблемы? – поинтересовался, продолжая изучать протокол. – Обычная девушка, без связей и денег. С Разиным не спит.

Но что-то все же их связывало. И я узнаю что.

– Бабы, – констатировал Арс. – От них всегда проблемы. Ирэн твоей вряд ли понравится делиться.

– А ей не обязательно знать, – парировал спокойно. – Ее положению ничего не угрожает, остальное мои дела.

– Влюбиться тебе нужно, дружище, – неожиданно пожелал Арс. – Так, чтобы болело вот здесь, – на сердце показал. – Электроник ты наш.

– Ты мне друг или кто?

– Друг, друг, – пробурчал, и мы распрощались.

Спасибо, конечно, но с моим сердцем и так порядок: работает, как швейцарские часы, точно и надежно. Это всех устраивало. С женщинами у меня проблем никогда не было. Когда отношения строятся без лишнего эмоционального пафоса, всем проще. Это моя философия, никому не навязываю, но и меня не нужно напрягать своим мировоззрением. Каждому свое.

Вечером встретился с Иррой в ресторане на Краснопресненской. Она любила средиземноморскую кухню, а я обещал уделить ей время. В последние пару месяцев до хрена работы было, мало бывали вместе. Только в постели встречались. Мы давно знакомы и не трахаемся, как кролики, не упуская момента, но в плане секса меня все устраивало. Золотая середина.

– Пойдем вместе в душ? – предложила Ира, обнимая со спины.

Я мягко убрал руки и повернулся, щеку погладил.

– Иди, я присоединюсь. Пять минут нужно. По работе.

– Блин, Дим, ты же обещал!

– Пять минут, Ир. Пять.

Она ушла, а я достал из кармана телефон, изъятый у Алены при задержании. Ребята разблокировали его, поэтому я имел полный доступ к контактам, мессенджерам, личной информации. Я не собирался нагло вторгаться в частную жизнь, но интересующие меня моменты изучил. Все, что связано с Разиным. Звонки были, но редко, раз в месяц-два. Никакой переписки. Совместных снимков. Тем более компромата.

Я открыл галерею и еще раз прошелся по фотографиям. В основном была девочка лет трех, навскидку. Румяная, улыбающаяся, хорошенькая. Похожа на мать. Где они вместе с Аленой – это особенно заметно. Видел женщину среднего возраста. Видимо, бабушка девочки. Правда, на «бабушку» она

похожа меньше всего. Привлекательная. Понятно, в кого дикарка такая невероятная. Отрицать удивительную красоту Алены невозможно. И я даже не собирался начинать.

Полистал дальше, нашел несколько селфи. Конечно, она позировала: по-женски кокетливо. Глаза чистые, большие, прозрачно-серые, как слеза. Взгляда грозной волчицы не было, но в глубине таилась тяжесть какая-то.

Умеют же бабы завлекать: загадочность, томность, невинность – давят на мужские слабости. И сексуальность, конечно же. Невинная сексуальность всегда хорошо продавалась. Алена казалось именно такой. Когда молчала, естественно. Потом, пиздец. Сучья стерва.

Взгляд сам собой упал на полные губы. Мягкие, точно знал. На члене хочу, прямо сейчас хочу!

– Блядь! – рыкнул и отбросил мобильный. Поднялся и содрал с себя одежду. Меня ждут в ванной и ублажат, как только захочу.

Нетерпеливо рванул дверь и открыл стеклянную створку. Ира стояла спиной, оттопырив порозовевшие ягодицы. Я прижался сзади, массируя тяжелые груди, полные и сочные. Ей было всего тридцать, и фигурой совсем не уступала юным нимфам. Член вставал без осечек. Тем более я пришел на взводе.

– Соскучилась по тебе, – повернулась, ища мои губы. Я коротко поцеловал и, потершись головкой о живот, надавил на плечи. В рот хочу.

Ира послушно опустила на колени и губами обхватила конец, нежно посасывая уздечку. Я прикрыл глаза и пятерней в мокрые волосы зарылся. Я не собирался думать о другой, просто хотел отдаться ощущениям, но дикая сучка являлась непрошенной. И смотрела этим своим взглядом волчицы.

– Что это? – услышал озадаченный голос. Ира провела пальцами по моим бокам. Блядь! Царапины! Конечно, это неглубокие страстные борозды, а вполне себе симпатичные лунки, но тем не менее. Привет, от Алены Романовой. Сука. Обещала сдать и сдала. Держит слово, даже без явного намерения.

– В тренажерке поцарапался, – ответил спокойно. Отмазка галимая, но другой не было. Сейчас ход за Ирой спустить на тормозах или обострить до скандала.

– Дим, ты вообще, что ли?! – вскочила. – Я дура по-твоему! Это ногти! Бабские!

– Хорошо, что не мужицкие, – криво усмехнулся.

– Да пошел ты! – толкнула в грудь и выбежала из ванной.

Я обернулся на звук оглушительно хлопнувшей двери и посмотрел на напряженный член: не везет нам с тобой, дружище. Тебе облом, мне головняк. И за это кому-то придется заплатить...

Врубил холодный душ. Ну, не опускаться же мне до рукоблудия. Потерплю. Терпение всегда вознаграждалось.

В спальню прошел голый. Скрывать царапины больше нет

необходимости, да и злился я. Смысл устраивать драму? Ирка ведь здесь: не ушла, не дала мне по морде, не разорвала помолвку. Только дулась на кухне. Я не собирался признавать, что переспал с другой женщиной и унижать невесту этим ничего незначащим фактом. Было и было, ничего не изменить. Любовницу в браке заводить не буду и тем более выставлять, как непереносимое условие нашей с Ирой совместной жизни. Но пока мы не женаты, делать мне мозг догмами верности не стоит. Я с ними знаком и буду блюсти. Клятвы произнесу и тогда начну.

– Чей это телефон? – накинулась невеста. Ну хоть блокировку снять не смогла.

– Рабочий, – забрал из рук. – Я в кабинете. Можешь ложиться. Меня не жди.

– И это все? – крикнула мне в спину.

– Все. У меня много работы.

Последнее, что хочу от этого вечера – ссориться и препираться. Лучше делом займусь. Нам с Ирой должно быть комфортно друг с другом. Пусть подумает и решит, как быть дальше. Семейная жизнь долгая, всякое может быть. Уж я-то знаю и ни от чего не зарекаюсь. Отец у меня мудак, а от осинки не родятся апельсинки.

Глава 7

Дима

Я просидел за ноутбуком, пока весь не затек. Готовился к суду. У нас их завтра три. Достаточно серьезные, но доказательная база сильная, все гладко пройдет. И судья свой, что тоже немаловажно.

Поднялся, потянулся, разминая спину. Посмотрел на часы – два ночи. Что-то я вообще сбился с графика сна и бодрствования. В квартире было темно. Ира легла давно. И легла в нашей спальне, не ушла в гостевую. Я не сомневался, что поймет все правильно.

Устроился рядом и сразу провалился в сон – сказалась вчерашняя бессонная ночь, а утром, проснувшись, был приятно удивлен: стол накрыт к завтраку, Ира в кружевном халатике и с макияжем улыбалась мне. Нет, я, конечно, ждал от нее рациональных решений и поступков, но даже не рассчитывал, что будет настолько легко.

– С добрым утром, – поздоровалась приветливо. – Я приготовила твои любимые яйца Бенедикта с лососем.

– С добрым, – недоверчиво оглядел ее. Может, где-то крылся подвох? – Все нормально, Ир?

Я не любил полагаться на случай и пропускать мимо ушей недомолвки. Мне нужно точно знать, что никаких обид и

камней за пазухой она не держит. Мы живем вместе, мне нужно доверять будущей жене.

Ира немного помрачнела. Видимо, переживала больше, чем хотела показать.

– Я должна верить тебе, – подняла глаза. – Потому что люблю. Дим, – начала тихо, – ты ведь тоже любишь меня?

– Конечно, – произнес бесстрастно.

– Нет! Скажи нормально! Не отвечай, а признайся! Признаться мне в любви, Дима!

Настала моя очередь хмуриться. Мне не нравились требования и ультиматумы в мою сторону. Когда мы с Ирой сошлись, я честно признался, что мои чувства далеки от пылкой влюбленности. Наш брак – это союз, но не любящих сердец, а двух влиятельных семей. Партнерское соглашение. Да, мы сблизились и в нашем обиходе появилось стандартное «я тебя люблю». С ее стороны. Я предпочитал избегать ложных признаний, но и не обижал игнором. С меня не убудет, если скажу «я тоже».

Я подошел и взял Иру за плечи:

– Ты знаешь, с любовью у меня туго. Не требуй. Я с тобой. Я женюсь на тебе. Мы родим детей. Я от своего слова не откажусь. Но если ты хочешь чего-то другого...

Она не дала договорить, прижалась к моим губам, потом зашептала судорожно:

– Я все помню, Дим. Но как же не мечтать услышать от любимого мужчины искреннее признание?! Я хочу быть необ-

ходимой тебе, как ты мне. Не из-за денег, родителей и бизнеса, а как женщина, понимаешь?

– Я твой, Ир, и никуда не уйду, – нежно погладил щеку. – Я в душ. Ты позавтракаешь со мной?

Она, просияв, кивнула.

– Вечером тебя будет ждать сюрприз, – и взяла мой палец в рот, втянула, языком приласкала. Возбуждающе, но я торопился: на заседании мне нужно быть голодным и злым! Конечно, я не про пищу. Сексуальное воздержание иногда очень эффективно.

В обед у меня появилась свободная минутка, поэтому прокатился до танцевальной студии на Спиридоновском. Можно было бы вызвать Алену в прокуратуру и там вручить личные вещи и сообщить, что благодаря мне, она больше не связана с уголовным делом, но... Мне хотелось увидаться лично.

Я зашел, осмотрелся, отметил, что зона лобби достаточно большая и все стены украшены снимками и кубками. Подошел к молоденькой девушке на ресепшен.

– Здравствуйте, – улыбнулся, чтобы не пугать погонами. Я после заседания, по форме. – Я могу узнать, когда освободится Алена Романова?

– Э-ээ, – немного испуганно, – а вы кто?

– Друг, – мягко ответил. – Близкий.

Девушка смутилась, но расслабилась. Даже стрельнула в меня кокетливым взглядом. Рожей я вышел, бабам нравился,

что уж тут.

– У нее через пять минут заканчивается занятие, но я могу позвать сейчас.

– Не нужно, я подожду.

Устроился на узком кожаном диванчике. Наблюдал, как в холле собирались мамы, ожидая своих чад с тренировки. Было занято.

Одна из дверей открылась и вывалились девочки лет пяти. Затем показалась Алена: широкая футболка и узкие штаны. Роскошные длинные волосы в высоком хвосте. Она улыбалась, а мелкие жались к ней.

– До свидания, Алена Владимировна!

Она была совсем не похожа на роковую красавицу из сомнительного ночного клуба. Сейчас просто красавица, только по-светлому. Виртуозная способность к перевоплощению! Я ведь помню, насколько дикой и страстной, абсолютно порочной эта девушка могла быть.

– Здравствуйте, Алена Владимировна, – поднялся и, спрятав руки в карманы, двинулся навстречу.

– Ты? – выдохнула изумленно. – Какого хр... – но вовремя взяла себя в руки. – Что ты здесь делаешь?

– Разговор есть, поехали, перекусим.

– Я не хочу, – отрезала и улыбнулась. Не мне. Она прощалась с мамами и детьми.

– Я не предлагаю, – я тоже сиял, как начищенный самовар, – я констатирую. Ты едешь со мной.

– Я не могу, – прошипела злобно. – У меня занятия, – и тут же: – Здравствуй, Вика. Проходи в зал.

А с детьми Алена милая.

– Во сколько заканчиваешь?

– После восьми.

– Я позвоню. Держи, – протянул ее мобильный. – Вечером жду в «Ава» на Бронной. – я любил там ужинать, часто бывал. – Такси тебе вызову.

– Я не хочу, понял?

Я хмыкнул и показал корешок ее паспорта, затем ушел. Придет, никуда не денется. Настроение, несмотря на последние события, резко ушло вверх и последнее из судебных заседаний прошло играючи, закончившись блестящей победой гособвинения. Это надо отметить. С Аленой.

Я отправил такси к студии и устроился за столиком. Меня здесь знали и аперитив подали по наитию – да, в привычках я достаточно предсказуем.

Я пригубил сухой вермут и подцепил вилкой крупную оливку. Чего я сам хотел от этой встречи? Точно не знаю. По большому счету Алена ни как свидетель, ни как осведомитель мне уже не нужна. Никакого практического резона встречаться с ней не было. Только личный. У нее интересные реакции на давление и подчинение. Вообще она забавная. Подразню немножко и спрашиваюсь. Пусть живет себе, а если что, где ее дом и работа знаю. В клубе, кстати, ей пока не светит подрабатывать: он описан и будет простаивать до

суда. Это в лучшем случае.

Через пятнадцать минут отзвонился водитель – пассажир не сел в такси. Я позвонил Алене – тишина. Раздражение обжигающей волной разбежалось по телу. Какого хрена вообще?! Что из моего приказа было не ясно?! Посмотрел на часы – дикая кошка опаздывала на полчаса. Сучка. Мобильный неожиданно ожил. Ира. Блядь. Она ж мне интимный подарок приготовила!

– Слушаю, – ответил резче, чем следовало. Я злился. Не на Иру, естественно, но она под руку попалась. Мне бы сюда длинноногую дикарку, шею тонкую свернул бы. Подавлять любого вида саботаж у меня на уровне рефлекса. Если Алена возомнила себя способной противостоять мне, то нужно доказать ей обратное. Наглядно и немедленно. – Да, я помню. Буду, но...

Я оторвал взгляд от бутылки вермута, которую гипнотизировал, чтобы сохранить в узде контроль и не сорваться раньше срока, и увидел ее. Алена шла к столику порывисто и нервно, обгоняя хостес. Неприлично обтягивающие джинсы, черная короткая хреновина, облегающая стоячие сиськи. Спасибо хоть рубашку, по-мужски огромную накинула! Вообще поразительно, насколько молодо выглядела, как студентка-первокурсница и не скажешь, что ребенка родила. Только взгляд тяжелый, опытом умудренный. Ее слова, там в отеле, иногда и очень неожиданно всплывали в памяти. Видимо, Алена была в ситуации, когда нужно принять неизбеж-

ное. Если водишься с такими, как Ярослав Разин – всякое может быть. Только это не наш случай: она хотела, а не подстраивалась под обстоятельства. Еще в кабинете поддавалась соблазну и ответила на поцелуй. Все остальное игра, чтобы интерес разжечь. Удалось, да, не скрою.

– Не могу говорить. Перезвоню, – сказал в телефон и отключился. – Ты опоздала.

– Скажи спасибо, что вообще пришла. Паспорт, – руку протянула.

– Сядь.

– Отдай документы, и я пойду. Мне некогда.

– Сядь я сказал.

Алена раздраженно фыркнула и присела напротив. Вся нахохлилась, губы поджала, зыркала глазами своими недобро. Захотелось улыбнуться, что я и сделал.

– Определились с выбором, Дмитрий Александрович? – к нам подошла официантка.

– Да: говядина с пармезаном и карамелью из портвейна, тар-тар из лосося, лепешки с бри и трюфелем.

– А для вас? – обратилась к Алене.

– Ничего, спасибо.

– А для дамы: тигровые креветки в имбирном соусе и си-бас с томатами.

– Я не хочу, ты понимаешь? – руки на столе сложила и ко мне лицо приблизила. – Не хочу!

– Паспорт хочешь? – повторил ее маневр.

– То есть мне нужно съесть рыбу, чтобы получить свои документы?!

– И быть нежной со мной, – заметил с улыбкой.

– Нежной? – переспросила, хмурясь. – А если я не ем рыбу? М?

– А чего хочешь? Выбирай.

– Сгущенки с печеньем хочу, есть?

Я вздернул бровь. Что ж она колючая такая?!

– Есть хвост с лобстером в мармеладе, будешь?

Алена тяжело вздохнула и устало откинулась на спинку кресла.

– Что тебе нужно от меня, Дмитрий Александрович? Ты же уже взял, – шепнула едва слышно.

Официантка подошла с приборами и расставила закуски. Алена смотрела куда-то в пустоту, а я на нее. Тянуло меня к ней. Физиология – вещь иногда очень упрямая. Порой, никакие доводы рассудка с инстинктами справиться не могли.

– Счет принеси, – бросил, не глядя.

– Но...

– Счет, – все же повернулся к официантке. Алена ошарашенно хлопала глазами. Да, я сейчас испытывал голод иного толка. – Поехали.

– Куда? – испуганно встрепенулась. Да, девочка, тебе нужно меня бояться. И мне тебя. Вряд ли мы принесем друг другу добро.

– За сгущенкой, – протянул руку и, обхватив тонкое за-

пьястье, помог подняться. — Держи, — отдал сумочку с личными вещами. И паспорт, естественно.

Я действительно заехали в магазин и купил сгущенное молоко и шоколадное печенье. Нашел похожее на то, которое в детстве ел.

— Я не пойду, — твердо заявила Алена, когда остановилась на своем месте в подземном паркинге высотки в Москва-Сити.

В этих апартах я никогда не жил. Помимо работы мне приходили дивиденды от заводов нашей семьи, я вкладывался в недвижимость и ценные бумаги. Это давало хороший доход. Мне как представителю генеральной прокуратуры нельзя было заниматься коммерческой деятельностью, но законы у нас в стране легко обходились, если по уму взяться. Я не делал ничего криминального: просто хотел заниматься любимым делом и не терять в финансовом комфорте. Я родился в состоятельной семье и привык к достатку. Если у меня получалось обращаться с деньгами правильно и извлекать выгоду, почему нет? Я не воровал из бюджета и не брал взяток. Я свое заработал головой. Все по-честному.

— Почему? — повернулся к ней и отстегнул ремень безопасности.

— Потому что не хочу! Тебе что от меня нужно?!

— Я хочу тебя, — признался откровенно.

— А я нет!

— Не ври, — подхватил и на колени перетянул. — Ты тоже

хочешь. Нам обоим понравилось, – стянул с темных волос резинку. Они блестящим водопадом накрыли точеные плечи, манили пропустить сквозь пальцы и накрутить на кулак, что я и сделал.

– Ты же прокурор, представитель закона, Дмитрий Александрович! – пыталась отстраниться от меня. – Ты не можешь меня заставить!

– А я не буду, – надавил на голову, чтобы губы ее поймать. – Сама попросишь...

– У тебя невеста есть! Езжай к ней!

– Тебя хочу... – скользнул языком внутрь, на корню пресекая протест. Алена ногтями вцепилась в лацканы пиджака, кусала мои губы, до боли, размазывая металлический привкус крови и меда по языку. Елозила по мне, на стволе прыгала, возбуждала роскошным телом. Сучка.

Я стянул с нее рубашку и рванул лямки куцего топа. Оттянул за волосы, открывая длинную шею, зубами поймал голубую жилку, пульс ее во рту ощутил.

– Скажи, что хочешь меня.

– Нет... – выдохнула рвано, когда сосок зубами прикусил. – Ненавижу тебя, Димитрий Ал...

– Дима. Назови меня по имени, – приказал, ягодицами вдавливая в напряженный пах.

– Я к старшим только по имени-отчеству, – едко ответила и наградила своим прозрачно-серым уничтожающим взглядом.

– А ты стерва.

– А ты кобель.

Алена сама поцеловала меня, грудью потерлась, бедрами томно повела – невинные девочки так не делают. Потом она... Твою мать! Рванула дверь, да так прытко выскочила из машины, что я успел только воздух пальцами поймать. Со стоячим хером бросился из салона, но Аленка не зря была длинноногой и легкой – как лесная лань убегала. Хотя нет, как коза! Полуголая, между прочим.

Сел в машину и рассмеялся: сумочка с паспортом и ее рубашка остались у меня. Ну это знак, не иначе. И сгущенка с печеньем. И что мне со всем этим делать?

Откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза, успокаивая зов плоти: беги, дикарка, беги. Все равно не убежишь. Я не дам. Я не отпущу. Я слишком хочу тебя.

Глава 8

Алена

Я убегала так, словно за мной гнались демоны из самого адского ада. Одежду на ходу поправляла. Дышала через раз. Боялась оборачиваться. Наверное, поэтому, ни сразу обнаружила, что меня не преследовали. Перевела дух, только когда в метро нырнула.

– Черт!

Я оставила у этого орангутана с яйцами уже вторую сумку. И рубашку! Любимую, между прочим! Пусть подавится! Паспортом в том числе. Завтра же заявление об утери напишу и сделаю новый. Главное, чтобы не видеть этого Дмитрия Александровича.

Зови меня Дима... Дима...

Не понимаю, что нужно ему? Ну явно же проблем с женщинами нет. Тем более дома ждет практически жена. Ко мне чего прицепился?! Ни о каких чувствах речи не шло. Секс... Ну я уж точно в этом деле не лучшая. У меня такой перерыв, что самой стыдно. Спасибо отцу моей девочки за это. Царство ему небесное. Все же о мертвых лучше хорошо либо никак. В моем случае подходит «никак».

Второй мужчина и снова так... Без согласия. Просто, потому что показалось, что я хочу. Потому что у них, мужиков, чешется и плевать на все. Только в этот раз я была готова встретить мужскую суть без розовых очков и наивных надежд. Я больше не забьюсь в угол с мыслями уйти из жизни. Я больше не глупая юная девочка. Сейчас точно знала, что в этом мире жестоки все и нужно быть к этому готовой. Тогда не будет больно. В свой первый раз я обнажила свою беспомощность. Я просила и умоляла, но это ничего не дало, наоборот, стало хуже. Потому что жертва, а жертву хищники рвут.

Дикая кошка

Пришло сообщение. Номер у меня не записан, но мне и не нужно, все понятно.

Я оплатила себе телефоном билет в метро и прошла через турникет. Прогресс все-таки большое благо, скоро лицом сможем расплачиваться. А пока хорошо, что мобильный в кармане джинсов был, так пришлось бы пешком домой топать. Карты я уже заблокировала, наличных денег в сумках (обеих) было немного, поэтому я благополучно проигнорировала выпад Небесного. Лучше игнора и равнодушия еще ничего не придумали. Фамилия еще такая! Когда водитель, которого послал за мной, назвал его так, удивилась. Диме не подходит. Он Адский, ни больше, ни меньше.

Пришло лаконичное. Я отправила абонента в черный список. Он меня пугал, а реакция на его близость озадачивала. После Семена была уверена, что просто не смогу испытать сексуальное притяжение без тошноты и страха. Он постарался в этом. Его страсть стала моим проклятьем.

Моя первая любовь, первый мужчина, отец моей дочери показал все ипостаси этого чувства. Я стала объектом страсти. Разной. Бешеной, порочной, болезненной, жестокой. Там, где нет любви, не бывает счастья, а Семен никого не любил, даже саму жизнь. Проверял все и всех, включая себя, на прочность. Ниточка лопнула за месяц до родов. Тогда я выдохнула. Может это кошунство, но я освободилась. Он не любил меня, но считал своей, жизни бы не дал: ни мне, ни дочери. А так я стала свободной. Правда, покалеченной.

С мужчинами сходиться после болезненного первого опыта страшно, хотя предложений немало. Не руки и сердца, естественно. Девушка с ребенком, даже красивая, в обычном мире менее привлекательна для серьезных отношений, чем свободная. А вот потусить и переспать – парни всегда рады. Не мужчины, именно молодые и борзые жеребчики. Взрослых и доминантных, с тяжелой мужской энергетикой и властным характером я сама избегала. Эти хозяева, а я не желала быть в услужении. Наелась. Поэтому от Ярослава, кро-

ме личных подарков для Катюши, копейки не взяла просто так, а ведь он настаивал: племянница без отца росла. Но я боролась, чтобы освободиться от этой семьи и быть самой себе госпожой и дочь воспитывать так, как считала нужным. В нашем мире слишком сильно правило «кто платит – тот и музыку заказывает».

И вот опять на мою голову мужчина, желавший отобрать у меня выбор. Он хочет. И плевать, чего желают остальные. Я таких встречала: самоуверенные, богатые, властью наделенные, без границ и тормозов, про мораль и совесть даже не слышавшие. Дмитрий Небесный именно такой. Я про него знала только несколько фактов, но все они очень ярко характеризовали личность, подчеркивали красной чертой под каждым эпитетом, которым наградила мысленно. Самоуверенностью понятно, власть тоже – генеральная прокуратура все же, к деньгам вопросов нет: видела все. Мораль...

Я презрительно фыркнула и вышла на своей станции. Да какая, к черту, мораль! Со мной полночи сексом занимался, а потом с невестой как ни в чем ни бывало разговаривал: врал на голубом глазу! Даже меня покорило, а он...

Совестно мне не было: я никому не изменила! Это ему должно быть стыдно! Дима изменял будущей жене. Я тут вообще ни при чем. Глаза б мои его не видели! Надеюсь, перебесится и отвалит. Если на мужчину не обращать внимание, он переключается на более доступную цель. Если, конечно, не упертый баран.

Домой приехала уже после десяти. Катюша крепко спала; мама ждала меня. Я ей рассказывала все: мы были подругами в большей степени, чем матерью и дочерью. А вот для своей дочери хотела быть именно мамой: защитницей и опорой.

— Ну что, Аленушка, все нормально?

Она очень разволновалась, когда поделилась историей в клубе. Тюрьма пугала всех. Мама ведь знала, что я ничего такого не делала, просто работала. Да, даже если бы и совершила преступление, вряд ли желала бы мне оказаться за решеткой.

— Да.

Не буду ее пугать.

— По делу Ярослава ко мне вопросов нет.

— Но? — уловила самую суть мама.

Про внимание настырного прокурора тоже рассказала. Без интимных подробностей, но главные акценты расставила.

— Паспорт мне придется восстанавливать, — и вскользь упомянула, как смоталась от Небесного.

— Ой, Алена, осторожней будь. Упертые мужики хуже бульдозера: закопают и не заметят.

Это я и так знала...

Утром разбудила Катюшку и, покормив, повела в садик. Это было наше время. Мне редко выпадало искупать и уложить дочь на ночь, а вот утро всегда мое.

— Ты взяла ведро и лопатку?

– Вяла! – Дочка подняла вверх маленький пакет с набором для песочницы. – Будю илать с подусками.

– Обязательно поиграй с подружками, а завтра мы с тобой поедем на большую площадку: там горки и фонтаны.

– А моно поилать с водиськой в тусиках?

– Если будет солнышко, то можно.

Я обняла дочь и отдала воспитателю. В садик пошли в два с половиной и все кризисы вместе с болезнями пережиты. Сейчас ходит с удовольствием. Катюша ребенок достаточно подарочный, но даже с таким устаешь. Я вечно работала, а мама хоть и очень молодая бабушка, но со здоровьем не все гладко: она диабетик и с активным ребенком целый день сложновато, утомляется к вечеру, сахар падает критически. Мама очень помогала, но я старалась не нагружать ее.

В девять встретила с Ликой в кофейне: поболтать и позавтракать. Это она ночью Лика, стриптизерша, а днем Лика фитнес-тренер. Я иногда (редко, увы) по благу хожу к ней на йогу и пилатес.

– Да, подвел нас всех Ярик, – тяжело вздохнула она.

На самом деле Ярослава Игоревича в клубе все на вы и шепотом. Лика его за год работы раза два видела. «Nuag» для Разина не основной вид деятельности, скорее расслабляющее приятное дополнение.

– Я взяла подработку у конкурентов, но очень надеюсь, что нас откроют. Как думаешь, Ален?

– Ой не знаю... – протянула. Понимала, почему Лика на-

деялась вернуться танцевать в «Nuag»: платили девочкам хорошо и вовремя, никого не заставляли оказывать дополнительные услуги клиентам, все по желанию. Безопасность: если стриптизерша говорила «нет», а клиент настаивал, охрана работала четко на стороне наших девочек. Не во всех заведениях такого типа были настолько щедрые условия.

– Но я не вернусь, – покачала головой. – Мне так страшно в камере было...

И не только в ней...

– Лучше поищу подработку поспокойнее. Вон, – кивнула на рекламу одного из маркетплейсов, – карточки товаров ночью создавать буду.

– Мужика бы хорошего найти, – тоскливо объявила подруга. – Только где? Помнишь красавчика, который паялился на тебя. Вот где его теперь искать?

– Нафиг нужен! – не сдержавшись, в сердцах воскликнула.

– Так ты с ним общалась?! – Лика внимательно меня рассмотрела. – Колись, подруга!

Я не могла сказать, что мы не разлей вода, но Лика самая близкая из окружавших женщин вне дома. Говорить все не собиралась, тем более что за облавой на клуб стоял именно «красавчик». Не хочу влезать в дела взрослых дядь, рано мне.

– Да ничего такого, – отмахнулась я, – просто он подкапывал ко мне.

– И?

– Что «и»?

– Так замути с ним! Если мужик запал, нужно пользоваться!

Ли́ка была на три года старше и позиция у нее более циничная. Совсем не романтичная.

– Он почти женат.

– Почти не считается.

Она совсем не рефлексировала относительно влезания в чужую семью.

– Вдруг как влюбится и не женится! – предположила философски.

– Ага, конечно, – скептически ответила.

– Алэн, ты вон какая красотка. Любого на колени поставишь!

– Да я не хочу. И не могу. Он мне вообще не нравится!

– Да ладно! Такой мужик и не нравится?! Высокий, крепкий, ухоженный. Думаю, член у него тоже в порядке, – хихикнула и послала невинный взгляд парочке за соседним столиком.

– Дело вообще не в члене! – продолжила я. Блин, нужно по тише, на нас уже смотрели. – Он пугает меня. Он не просто напорист, он из тех, кто считает, что в праве брать желаемое без согласия, понимаешь?

Ли́ка вмиг серьезной стала. Она сама не раз сталкивалась с дискриминацией: мол, раздеваешься за деньги, значит, дашь без вопросов. Думаю, для Димы я в той же категории:

работала в мужском клубе с определенной репутацией, плюсом уверенность, что я любовница современного и прогрессивного, но все равно преступника. Ярослав всегда был связан с криминалом. Это я еще от его брата узнала. Дима считал меня девочкой бандита. Доступной и безотказной шлюхой.

– Тогда в топку его! – воинственно поддержала Лика. Мы даже чокнулись чашками с кофе в честь обоюдного решения держаться от махровых мерзавцев подальше. У меня завибрировал мобильный – я не сильно удивилась звонившему, но немного испугалась. Ярослав. Какова вероятность, что звонил относительно обыска в клубе? Высокая. Сказать ему про Диму – оказаться между молотом и наковальней. А с учетом заинтересованности Небесного во мне – очень двусмысленная ситуация.

Я ждала подвоха со всех сторон, но одного не ожидала: не думала, что у меня захотят отобрать дочь...

Глава 9

Алена

Ярослав подъехал к студии, где через пятнадцать минут у меня начнется первая тренировка. Он даже не пытался не выделяться: огромный Гелендваген ядовито-оранжевого цвета – красиво и очень кричаще. Ему всегда было плевать, что говорят или думают другие. До недавнего момента я была уверена, что об него зубы обломать можно, навредить не выйдет. Сейчас уже даже не знаю...

– Здравствуй, Лёна, – чуть коснулся моего плеча.

Лёна. Только Ярослав меня так называл. Причина была.

Когда пришлось признаться Семену, что беременна, через несколько дней повез меня к старшему брату. Ни к родителям, а именно к Ярославу. Мать с отцом вроде где-то не в России жили. Естественно, я не хотела ехать на ковер к Разину старшему. Я и от младшего сбежала бы, но это было невозможно. Семен считал меня своей женщиной, даже жениться хотел. И неважно, что гулял, кутил, изменял. Мне лично было все равно: влюбленность и очарование опасным плохим мальчиком быстро прошли, когда его «опасность» коснулась меня. Но Семен посчитал, что я ему подхожу и неизменно ко мне возвращался после загулов. Ему льстило, что у меня первым был, обстоятельства этого, естественно,

не вспоминал, вроде как «а чё такова?»; говорил, что меня, чистую девочку, возьмет в жены. Только брат одобрить должен был.

Во мне все бунтовало против жизни с таким, как Семен Разин, и я воинственно решила испортить впечатление о себе, но когда увидела взрослого, строгого, с холодными голубыми глазами и опасно безразличным взглядом мужчину, то даже имя произнесла так тихо, что так и осталась Лёной.

Странно, но Ярослав произвел на меня не самое плохое впечатление. Да, я слышала от Семена, что они не просто бизнесом занимались, все сложнее и опасней. Таких людей нужно обходить десятой дорогой, но мне старший Разин показался вменяемым, так сказать. Зрелый, адекватный, по-своему справедливый. Он дал добро брату на серьезные намерения в отношении меня. Но судьба распорядился иначе. И, положив руку на сердце, я была благодарна этой судьбе. Кошунственно? Вероятно. Но честно.

– Здравствуйте, Ярослав Игоревич.

Я максимально держала дистанцию.

– Я что такой старый? – иронично усмехнулся.

– Нет, – улыбнулась одними уголками и сразу взгляд отвела. Я была очень осторожна с мужчинами вообще и могущественными в частности. Мне постоянно делали комплименты, называли необыкновенно привлекательной, а благодарность и ответную улыбку воспринимали, как призыв к действию. Чем больше мужчина имел возможностей, тем жестче

пытался атаковать, получая отказ. Ярослав никогда неприличных предложений не делал, но, порой, так взглядом прожигал, что становилось неловко. От него волнами исходила властная страстность. Не зря девочки в клубе шептались, что если к нему в постель попадешь, другого потом не захочешь. Ярослав обладал спорной грубоватой красотой, но мощная энергетика компенсировала несовершенство лица. Правда, меня такие не привлекали. Слишком сложно с ними. Проблема была в том, что я, очевидно, привлекала именно эту породу мужчин. Небесный из той же оперы, поэтому даже при самых удачных жизненных раскладах (допустим не был бы почти женатым властным мерзавцем), не связалась бы с ним.

– Кофе? – кивнул на заведение на противоположной стороне улицы.

– Не могу, работать нужно. У меня занятия скоро, – на часы показала.

– Тогда садись, – открыл передо мной дверь Гелендвагена, – разговор есть.

Звуки с улицы полностью отсеялись, остался только запах дорогой кожи и табака.

– Слышал, тебе тоже досталось от маски-шоу, – заметил, прикуривая. – Как прошло?

– Неприятно, – откровенно призналась. – Меня допрашивали, потому что думали, что я твоя любовница.

Ярослав хмыкнул и на меня посмотрел, не скрывая оце-

нивающего мужского интереса.

– Что-нибудь еще? – вопрос совершенно не соответствовал взгляду.

– Я ведь правда ничего не знаю, – повернулась к нему. – Так и сказала.

– Лёна, сейчас возле меня небезопасно, поэтому, – потянулся и открыл бардачок, случайно касаясь моих колен. Стало не по себе. Слишком сильное напряжение исходило от Ярослава. – Держи, – протянул пачку пятитысячных купюр.

– Зачем? – сглотнула нервно.

– Для племянницы.

– Но...

– Я помню, – властно обрубил. – Ты никому не хочешь быть должной и так далее, но Катя – дочь моего брата и имеет право на его долю. Это ее деньги.

– Не нужно, – как можно мягче ответила и отвела руку от себя. – Пусть ее часть будет у тебя до совершеннолетия.

Ярослав другой рукой обхватил мое запястье и неожиданно притянул к своему лицу, носом втягивая аромат там, куда падала капля духов. Затем резко отпустил и произнес, как ни в чем не бывало.

– Я уезжаю на пару месяцев. Связи со мной не будет. Приеду, и мы вернемся к этому разговору.

К какому именно не уточнил: деньги, моя дочь или я сама.

– Мама хочет познакомиться с внучкой. После смерти отца она перебралась обратно в РФ. На меня надежды нет, –

криво усмехнулся, — хочет Семкину дочку увидеть.

Я знала, что Ярослав был разведен, про наличие детей понятия не имела. А про предполагаемую бабушку... Поздно-вато, вспомнила, но пускай. Я не против общения с родней. Но сильно не рассчитывала на позитивную встречу. Если бы этой женщине нужна была внучка, единственный ребенок погибшего сына, разве ждала бы три года? Вопрос риторический. Но, возможно, я узнаю ответ от нее самой.

— Хорошо. Я не против общения.

— Если что-то нужно, через мать обращайся. У нее инструкции вам помогать, пока меня нет. Вдруг что.

Я согласно кивнула, но даже не понимала, что могло бы произойти. Больше трех лет с рождения Катюши жили без прямого вмешательства Разиных, дай бог еще проживем.

Вечером, вернувшись домой, обнаружила посреди гостиной детскую горку. Дочка визжала, как самый настоящий пухленький розовый поросенок и радовалась с искренней детской непосредственностью. Мама шепнула, что это доставили от Ярослава. Сам он приходил редко, чтобы племянницу проведать, но подарки передавал регулярно. Деньгами ведь я не брала. Хорошо, подождем, что нам новая бабушка приготовит. Какую встречу.

В воскресенье дождались: днем пожаловала Тамара Николаева. Статная женщина за шестьдесят, властная и высокомерная. Она приехала с водителем и застала нас с Катей гуляющих на площадке возле дома. Мне она сразу не понра-

вилась. Вероятно, потому что смотрела на меня так, словно я к ней пришла и просила о помощи, а Тамара Николаевна одолжение делала, стоя рядом.

– М-да, девочка, конечно, не похожа на Семочку, – вынесла вердикт, поджав губы. – Нужно бы удостовериться, что Катя наша, Разина, – и на меня оценивающе. Я, очевидно, тоже ей не нравилась.

– В смысле? – нахмурилась я. – Зачем?

– А что ты так заволновалась? – подозрительно сощурилась.

Я ошеломленно поднимала челюсть с пола. Что это без году неделя бабушка себе позволяла!

– Подождите, – остановила ее, – я вам свою дочь не навязываю. Я не просила ни вас, ни Ярослава участвовать в нашей жизни. У Кати от отца только отчество. Все. Большого нам не нужно. Если ваша цель оскорбить меня, то давайте сейчас же прощаемся.

Тамара Николаевна фыркнула и снова на внучку взглянула. Катя играла с подружкой в песочнице. Новаяявленная бабушка ее не интересовала. Тем более та даже конфеткой не угостила. Я не считала, что нужно ребенка подарками задабривать, но для первой встречи, чтобы расположить, проявить внимание и доброту, нужно. Дети ведь на такие вещи очень реагировали: вниманием и лаской многого добиться можно.

– Ладно, разберемся, – сухо бросила Тамара Николаевна. – Понаблюдаю за Катериной и решу. Я хочу, чтобы внуч-

ка жила со мной. У меня условия, большая квартира...

– Что?! – изумилась я. Что-что она сказала?!

– Ты, Алена, девушка молодая, еще родишь, а я одна. Ярик не пойми о чем думает, а Семочка погиб. Игоря похоронила... В общем, Катю я забираю.

– Вы в себе вообще?! – больше даже не пыталась сдерживаться. – Я вам дочку не отдам! До свидания, – пошла к ребенку, но услышала шипение в спину:

– Жди гостей, Алена. С моими связями я тебя родительских прав лишу быстро.

Если честно, я испугалась: просто знала, что люди способны на многое, а некоторые даже на все. Мать Разиных может и не зло в последней инстанции, но угрозу попытается исполнить, хотя бы для того, чтобы ткнуть меня в свое могущество. Сомневаюсь, что ей нужна внучка из желания любить и заботиться. Тем более Катюша и так жила с матерью и бабушкой, которые безумно любили ее. Я не миллионерша, но мой ребенок не нуждался!

Дозвониться Ярославу и узнать, в курсе ли планов своей матери, мне не удалось. Два дня прошли относительно тихо: я бесконечно прокручивала в голове возможное развитие событий и понимала, что закон на моей стороне, по всем фронтам! Никто у меня не сможет отнять дочь!

О настырном прокуроре совсем забыла, да и он никак не напоминал о себе. Видимо, потерял интерес и переключился на кого-то доступней. Может, на невесту? Не завидую ей.

Мне показалось, что Дима из тех, кто не умеет любить. Робот, не человек.

В тот вечер у меня только началась тренировка по зумбе, когда позвонила мама. Не знаю, сердцем ощутила, что нужно ответить.

– Аленушка, – мама рыдала, – пришли какие-то люди. Ка-
тюшу забрать хотят!

– Кто? – кричала в телефон. – Кто, мама?

– Из опеки! Они с полицией!

– Еду! – посмотрела на женщин, заканчивавших разминку. – Извините.

Выбежала из зала и бросилась к Ксюше на ресепшен:

– Заменя, пожалуйста, дома проблемы.

Я не стала дожидаться ответа и переодеваться, на ходу вызвала такси. Каждая минута ожидания машины, а потом поездка, длившаяся вечность, сводили с ума. Я не стала ждать лифта, влетела на четвертый этаж. Ключи найти не могла, начала стучать, пока не дернула ручку – дверь открыта.

– Мам! – позвала громко. – Мама!

Она выбежала на голос, заплаканная и растерянная:

– Они забрали ее. Нашу девочку забрали, Алена...

– Как забрали! – кричала я. – Кто? На каком основании? Они не имели права!

Не имели ведь? Правда же?

– Они предъявили удостоверение, и я впустила, – заикалась мама. – Сказали жалоба поступила, начали по квартире

рыскать, осматривать. Сказали, что условия у нас не подходящие...

– Что за бред?!

А где тогда подходящие?! Может в семьях, где родители алкоголики, а дети никому не нужные?!

– Про твою репутацию и моральный облик говорили. Мол, в клубе работала, про стриптиз что-то.

– Ясно...

Это она, Тамара Николаевна Разина. Угрозу исполнила. Наплела с три короба. Без Ярослава не обошлось: не знаю уж с умыслом или без рассказал про мою жизнь, а там уж маман нафантазировала и напридумывала. Проститутку нарисовала.

– Они сказали, куда повезли Катюшу?

Опека не имела права отдать ее Разиной. Но они и забрать ребенка без постановления суда не могли! Но ведь сделали!

– Сказали, что повезут в учреждение временного пребывания, а потом суд определит.

Я бросилась в спальню и достала документы. Я не оставлю своего ребенка в этом месте ни на одну лишнюю минуту! Драться с ними буду, а дочь не отдам! Никто не имел права забирать у матери родное дитя! Никто!

Выбежала из квартиры, одновременно штурмуя интернет: куда ехать? Где искать? Может, в полицию? Ведь это все незаконно!

– Куда торопишься?

Я оторвала глаза от телефона и встретила взглядом с Небесным. Преследует меня, что ли?! Сейчас вообще не до него!

– Убери руки! – сбросила с плеч ладони. – Оставьте все уже меня в покое!

Я хотела обойти высокую фигуру, но он не позволил: удержал, пытливо в глаза заглядывая.

– Ты плачешь? – нахмурился Небесный.

Я даже не заметила своих слез: это от бессилия и жалости к себе. Мгновение слабости.

– Оставь меня. Мне нужно ехать за дочерью. Ее забрали, – всхлипнула, не сдержавшись.

– Расскажи, – потребовал сухо и деловито.

– Опека пришла. Натравила внезапно объявившаяся бабушка. Она хочет мою Катюшу себе забрать.

Дима достал телефон и снова ко мне обратился:

– Давай документы ребенка. Твой паспорт у меня. Отец кто?

Я сомневалась секунду. Сейчас приму помощь даже от самого дьявола и уж тем более от прокурора.

– Семен Разин.

Дима вскинул бровь, но промолчал.

– Уверена, что это дело рук Тамары Николаевны Разиной.

– Жди, я позвоню, – затем взял меня за подбородок, а в глазах хищный блеск. – Никто у тебя не заберет дочь, – произнес тихо и уверенно. Потом ушел. А я осталась стоять у

подъезда с четким пониманием, что за его помощь придется заплатить. Высокую цену. Все, что есть отдать. Себя отдать.

Глава 10

Дима

– Дмитрий Александрович, – после стука ко мне вошла помощница, – на предварительном слушании Разину назначили залог.

– Сколько? – оторвал голову от монитора.

– Миллион рублей. Он сегодня вышел.

Интересы обвинения в суде представляла Ольга, один из старших прокуроров моего отдела. Сам в это дело не лез – много чести, да и рано еще. Сам Разин для генеральной прокуратуры особого интереса не представлял, но коррупционная схема, которую организовали с высшими чинами из МВД, очень даже. Но выкладывать карты на стол рановато: мы разворошили осиное гнездо, осталось подождать, когда кусаться начнут и ошибки совершать.

Последние дни я полностью посвятил работе, устроив полный женский детокс. Ира улетела к матери в Черногорию на выходные: после развода моя будущая теща в России не появлялась, бывшего мужа на дух не переносила.

С Аленой сам решил притормозить. Первая реакция на ее побег была достаточно жесткой: догнать и поймать беглянку, но мозг вовремя включился. Я заигрался. Все же не свободный жеребец без обязанностей и ответственности. Мне нуж-

но остановиться и подумать: надо ли оно вообще? Что это даст, кроме сиюминутного удовольствия? Что потеряю, если все это выльется в лютый головняк? Я не считал себя человеком легко увлекающимся новым. Наоборот даже: привыкал долго и предпочитал шило на мыло не менять. Но я все же мужчина и по натуре стремился добиваться и завоевывать. Это приятно будоражило. Алена будила во мне зверя, первобытного, живущего инстинктами – это и будоражило, и беспокоило одновременно. Я ведь человек. Или все же зверь?

Я ведь никогда не был мальчиком-одуванчиком, но думать предпочитал исключительно головой верхней. С Аленой произошел сбой программы. Я хотел ее, и, к моему великому сожалению через пару дней понял, что пауза, взятая, чтобы остыть, еще больше подстегивала. Тут и азарт, и адреналин, и похоть. Безжалостная и беспощадная к голосу разума. Связь с Аленой не грозила душевными терзаниями, это просто секс. Нужно унять этот зуд и перелистнуть страницу. Моим планам на жизнь и устоявшемуся порядку ничего не грозило. В этом был уверен на тысячу процентов!

Поэтому после работы заехал в студию танца – дикарка Алена внесла меня в черный список. Я не мальчик донимать с левых номеров: просто приду и возьму. Наигрались в поддавки. Правда, тут меня ждало разочарование – она домой уехала. Ладно, значит, там поговорим.

Я приехал на Артамонова. Хороший зеленый район, старенький правда, но чистый. Запад Москвы, роза ветров, лю-

бимые пенаты Брежнева. Я завис возле домофона. Код, естественно, не знал и что-то подсказывало, что мне не откроют. Помог случай – мужик вышел, а я дверь придержал, зашел в подъезд, огляделся. Давно в таких не был, М-да...

Двери лифта открылись, и Алена выскочила буквально на меня. Шальная, резкая, высокий хвост буквально подпрыгивал. Сегодня она, как пуля. Только...

Я всмотрелся в заплаканное лицо. Неприятно резануло, что Алену кто-то посмел обидеть. Почему-то казалось, что по пустякам она рыдать не стала бы. Дело очень серьезное. Так и вышло.

– Отец кто?

Да, я хотел знать, кто заделал ей ребенка. Почему не замужем. Почему работает на износ. Изначально был уверен, что это Ярослав постарался, только вопрос с финансами удивлял: вроде не бедный, а дочь живет в девятиэтажке года эдак восьмидесятого.

– Семен Разин.

Даже так... Не слышал о таком. Нужно справки навести. А пока...

– Никто не заберет у тебя дочь, – приподнял подбородок и большим пальцем провел по мягким влажным губам.

Я позволил дикарке Алене увидеть, что ничего в этом мире не дается просто так. Что за помощь придется стать кошечкой, временами дикой, временами нежной. Нет, меня, как любого нормального человека, трогали истории, связан-

ные с несправедливостью и произволом относительно детей, но всем и каждому не помочь. А если уж берусь за дело, в котором есть личный интерес, то воспользуюсь ситуацией по полной. Не я такой, меня жизнь этому научила. Философия мудаческая, но так у всех, а у кого не так – вы просто недостаточно хорошо знаете человека.

В машине набрал Сергей Семеныча, председателя судей в ювенальной юстиции. У него влияние и на органы опеки, и на судебную систему в отношении несовершеннолетних.

– Сергей Семенович, приветствую, – и на часы взглянул – познавато.

– Здравствуй, Дмитрий Александрович. Рад слышать. Как дела? Как отец?

– У нас все хорошо, – коротко ответил и сразу к основному вопросу: – У одной моей знакомой есть проблема по вашей части. Поможете?

– Конечно, Дима. Рассказывай.

– В общем, у одного хорошего человека опека дочку трехлетнюю забрала. Девушка со свекровью поссорилась, и та кляузу накатала. Нужно решить.

– Решим, не вопрос. Завтра все будет.

– Сергей Семеныч, нужно сегодня. Девочка маленькая, сами понимаете.

– Дим, рабочий день закончился, кого я сейчас найду?

– Сергей Семеныч, все что хотите. Любая услуга, только помогите решить вопрос быстро.

– Хм... – на мгновение замолчал. – Жди звонка, Дмитрий Александрович. – И сбрось на мобильный информацию о ребенке.

Я отъехал на пару кварталов, зашел в кофейню, хотел Алене позвонить, переживает ведь. Но не стал – нужно дождаться конкретных новостей. Пустые разговоры ей ни к чему.

Два часа и литр кофе. Я тоже нервничал. У меня детей не было, но я не бесчувственный чурбан: представлял, как хреново сейчас Алене, про малышку вообще молчу. Бедный ребенок. Позвонил Арсу, попросил дать своим спецам задание – нарыть информацию о Семене Разине.

Еще пятнадцать минут ожидания и мне позвонил Сергей Семеныч. Проблема решена.

– Будь готова через пять минут, – набрал Алену.

Она не стала разводить сопли по телефону. Все четко и по делу. Спустилась, села в машину, глаза свои огромные на меня перевела, красные, заплаканные, встревоженные.

– Едем на Платовскую, – повернулся, выруливая на дорогу. – Все нормально, Алена. Твоя несостоявшаяся свекровь больше лезть не будет. Ее «связи» ждет разбирательство за превышение полномочий.

– Спасибо, – тихо прошептала. – Спасибо, Дима.

Я бросил взгляд искоса: Дима, значит. Понятливая девочка.

В центре временного содержания были предупреждены о нашем приезде. Я показал удостоверение государственного

советника юстиции первого класса и беспрепятственно прошел на территорию.

– Где содержат детей? – сухо поинтересовался, придерживая Алену за локоть. Она рвалась из рук, на поиски броситься хотела. Но так не делается. Терпение.

– Прошу, проходите, – нам услужливо открыли дверь, ведущую в жилые помещения. Жилые с большой натяжкой, естественно. – Мы малышей уже уложили...

Алена не стала дослушивать, бросилась на плач. Я поспешил за ней вместе с дежурной.

– Катюша! – услышал срывающийся голос. В небольшой спальне рыдала девочка в маечке и трусиках. – Доченька! – подхватила и прижала к себе. Девочка еще пуще зарыдала и вцепилась в шею матери пухлыми ручками.

– Мама! Мамаська! Мне так стасно! – и снова плач.

– Как так вышло? – развела руками дежурная, глядя на меня с таким наигранным недоумением. – Наверное, недо-разумение.

– И часто у вас такие недоразумения? – спросил жестко. Даже у меня внутри все задрожало от жалости к детскому горю. Им, блядь, вообще нормально на это смотреть?! Сколько таких случаев, когда органы действовали неправомерно? А сколько тех, которые, наоборот, считались халатным бездействием. Я ж эту кухню изнутри хавал, знал, что в реально неблагополучные семьи опека предпочитала не ходить или посещать крайне редко, так, для галочки. Блядь, как таких

сволочей матушка Земля еще не выплюнула на окраину вселенной? Человеческого осталось в единицах. И я сам ведь ничем не лучше. Такой же циничный продукт системы.

– Давай помогу, – открыл Алене заднюю дверь и придержал за ножки малышку. Снял пиджак и укрыл обеих. Холодно.

Алена качала ее, прижавшись губами к темной макушке. Девочка засыпала, тихонько всхлипывая и вздрагивая. Бедный ребенок. Я сам потерял мать, знаю, как это страшно. Даже в пятнадцать лет страшно...

Мы ехали дольше минут на десять, чем положено: я максимально соблюдал скоростной режим, посматривая в зеркало заднего вида. Алена тоже прикрыла глаза, не сдерживая молчаливых слез. Две прозрачных дорожки светились в сумраке первого летнего вечера. Такая красивая и невинная. Совсем юная. И уже мама. Хорошая. Я видел, как крепко руки сжимали и баюкали свою драгоценность. Признаться, для меня это было неожиданностью. Как же сильно разнилась действительность и мое изначальное представление об Алене Романовой. Совсем другая. Но это совсем не убавляло желания обладать ею. Хочу ее. Покорить, завоевать, подчинить. Чтобы и на меня смотрела с такой же нежностью. Сам не знал зачем мне это, ведь в постели совсем не обязательно любить, чтобы наслаждаться телом партнера, но все равно желал получить все, что Алена способна отдать.

– Давай мне, – шепнул, открыв дверь. Алена бросилась на

меня красноречивый взгляд и попыталась вылезти с дочерью на руках. Получилось хреново, естественно. – Ты разбудишь ее, – мягко, но настойчиво забрал спящего ребенка. – Открывай, – кивнул на подъезд.

Алена шумно выдохнула, но спорить не стала. Только следила за мной зоркой орлицей. Я тихо хмыкнул: птенчика не заберу, наоборот, даже. Мне дикая птичка нужна, довольная и счастливая, а не беспокойная испуганная мать.

– Аленушка! – ахнула, видимо, бабушка малышки. Очень моложавая и красивая.

– Тшшш, – Алена приложила палец к губам и забрала у меня девочку.

– Вы проходите, проходите, – женщина пригласила меня на кухню. Небольшую, но светлую и чистую. – Давайте я вас чаем напою.

– Благодарю, – присел на стул и обратил внимание на детский рисунок.

– Это вам спасибо. За Катенька нашу. Я в таком шоке была... – и тут же оправдываться начала: – Вы только не подумайте: у нас нормальная семья, благополучная.

– Я верю, – успокоил ее улыбкой. – Алена и вы очень любите Катю. Это чувствуется.

– Ой, а что ж я такая невоспитанная. Меня Нелли Владимировна зовут, а вас?

– Дмитрий, – снова посмотрел на рисунок. – Очень умело для такой малышки.

– Да, – широко улыбнулась Нелли Владимировна, – это в Алену, наверное. Она у меня с детства творческой девочкой была: пела, танцевала, рисовала. На фортепиано играла хорошо... Чай! – вскочила на свист, через минуту передо мной поставила чашечку на блюдце и придвинула пиалу с мармеладом.

В дверях появилась Алена. Застыла, глядя только на меня.

– Уложила? – к ней подошла мать. Алена кивнула.

– Мне пора. Спасибо за чай.

– Я провожу...

Мы вдвоем вышли в коридор, возле двери остановились:

– Спасибо, Дима, – прошептала Алена. Я сделал к ней шаг и убрал с лица густую волнистую прядь. Дикарка вздрогнула, но глаз не отвела. Мы оба понимали, что это не конец. Это начало.

– Позвони, как будешь готова...

Я ушел. Я ждал. И я дождался...

Глава 11

Алена

Дверь закрылась за Димой, и я обреченно прислонилась к ней лбом. Что же мне делать... Вариантов немного, но сама мысль идти на сделку с совестью корежила и ломала изнутри. Не только потому, что придется спать с практически женатым мужчиной. Потому что понимала, что Дима опасен. Опасен в принципе и опасен для меня лично. Он занимал мои мысли до сегодняшнего вечера, непрошено, нежеланно, невольно, но занимал! А теперь я вообще пропала. Если бы все было иначе! Если бы познакомились при других обстоятельствах, если бы не был так настойчив и жесток, если бы был свободен... Если бы помог мне бескорыстно, просто потому что человек. Я бы не осталась равнодушной. А так...

Блин, да я и сейчас не осталась равнодушной! Красивый, статный, сильный – достаточно, чтобы у неискушенной девушки снесло голову. Но я ведь не такая: меня на голубую мечту о прекрасном, богатом, властном не купить. Тут другое: между нами вспыхивало бешеное напряжение от единого взгляда, слова, прикосновения. Иногда густое, темное, порочное марево. Иногда звенящее, тугое, натянутое, как острая струна. Такому сложно противиться. Но я смогу. Точнее, смогла бы, но не сейчас. Сейчас все иначе с привкусом тлена

и безысходности.

Я была благодарна. Ради своего ребенка на все готова, даже под черта лечь! Но самое страшное – попасть в эмоциональную зависимость от такого мужчины. Мужчины, который не умеет любить.

Но хоть остальные чувства не похоронены под толстым слоем циничного эгоизма. Обескураженная злость, исказившая лицо, когда увидел незащитные глаза детей, оставшихся один на один с системой, многое мне сказала. А еще как осторожно Катюшу мою нес... Возможно, отцом Дима будет лучшим, чем мужем.

– Ален, это был он, да? – в коридор вышла мама.

– Да, – оттолкнулась от двери, – ОН.

– Просто бог послал, – мама сложила руки в молитвенном жесте. – Как бы мы без Димы Катюшу вызволяли бы...

Я криво усмехнулась. Если это Бог, то что тогда дьявол делает? Нет, помощь Небесного в этом случае просто бесценна. Когда дело касалось детей, у матери отключались все инстинкты, кроме желания спасти и защитить. Только послевкусие этих добрых дел отчего-то горечью отдавало. Я не религиозна, но в Бога верила. Разве в его правилах с пути сбивать? Соблазном искушать? Пороком душу отравлять? Или это проверка? Если так, то я ее не прошла...

– Мне показалось, что ты симпатична Дмитрию. Мужчины не решают проблемы, если равнодушны.

Моя мама, как и любая мать, хотела, чтобы дочь была

устроена в жизни и не повторила судьбу матери-одиночки. Только это не наш случай. Зря, наверное, уберегла ее от подробностей и не рассказала, как именно строились наши взаимоотношения с Димой. Про Семена мама тоже не знала, считала его слегка ветреным, но хорошим. Жениться ведь собирался! А то, что принуждал быть его, что мое «нет» силой подавлял... Я боялась сказать ей: маме и так досталось мужской «любви и заботы», если узнала бы, что и у меня так же, вообще сломалась бы.

– Мам, Дмитрий Александрович не свободен. У нас ничего быть не может...

Кроме секса. Это буквально повисло в воздухе. Мама даже отвернулась, смущенно пряча глаза.

– Мамя! – услышала из спальни. – Мааам! – затем громкий плач. Я бросилась к дочери.

– Маленькая моя, мама здесь. Здесь, – легла на кровать, прижимая к себе испуганную малышку.

Катюша вцепилась в меня, вжалась, одеялом с головой укрылась. Наверное, боялась, что откроет глаза, а родных лиц не будет. Всего несколько часов и у ребенка такая реакция. А если бы мне не отдавали ребенка дольше? Даже представить страшно. Надеюсь, Тамара Николаевна уберется куда-нибудь подальше от нас и больше не появится. Увижу, не знаю, что сделаю! Ради каприза готова на преступление. Отнять у матери ребенка – именно преступление! И плевала она на внучку: как ей от всей этой процедуры. Главное, мне

продемонстрировать свои возможности и эго потешить. Старая больная женщина, не иначе!

Катюша всю ночь просыпалась и вздрагивала. Я даже в душ сходить не смогла: стоило пошевелиться – всхлипывала и рыдала. Буду верить, что пластичность детской психики поможет справиться со страхом.

В садик не пошли. Я боялась оставить дочь. Нужно переждать: вдруг с опекой так просто не закончится, или новая-явленная бабушка еще что-нибудь выкинет. На работу тоже не пойду.

– Инга, привет, – позвонила хозяйке студии, – у меня дома чп. Не могу выйти.

– Алэн, кем я тебя заменяю?! – воскликнула она. – У всех чп! Они у нас, знаешь, в порядке очереди.

– Ну я никак не могу.

– Алена, это работа и вариантов немного: либо сама найдешь замену, либо я найду замену тебе. Навсегда. Без обид.

– Я найду, – бросила в динамик и отключилась. Сучка. Понимаю, конечно, что для нее это бизнес, но все равно бесит.

Вариантов у меня только Лика. Все остальные сами такие же, как я.

– Привет, подруга, дело на десять тысяч рублей.

– Что за дело?

– Подменишь на работе? У меня такой трындец... – и я коротко рассказала о выходки матери Ярослава.

– Ничего себе дела! – поддержала Лика. – Хорошо, выйду. У меня выходной сегодня. Только ты мне это, скинь, что вы там танцуете, а то с перепугу стриптизу учить начну.

– У меня дети сегодня! Никакого стриптиза! С семи вечера групповые женские: вот на них можешь блеснуть сексуальностью.

– Заметано.

Два дня я не отходила от дочери, пока она не перестала бояться. Нет, совсем страх не ушел, но меня теперь могла заменить мама, когда Катюша засыпала или если мне нужно ненадолго уйти. Дочка столько времени проводила с бабушкой, но в случае опасности рядом должна быть мама. Мама спасет.

Вечером третьего дня я решилась. Больше тянуть нельзя. Дима о себе никак не напоминал, но я шестым чувством ощущала: ждет.

– Привет, – начала ровно. – Мы можем увидеться?

– Здравствуй, Алена, – он тоже был предельно спокоен. – Вечером у меня. Я пришлю машину.

– Не нужно. Я сама. Скинь точный адрес, пожалуйста.

Дима тихо усмехнулся. Да, наверное, лучше было бы ехать с водителем, но я хотела хотя бы что-нибудь решать сама. Видимо, выбор на такси или метро – последнее, что у меня осталось. В остальном я лишилась этого права. Увы...

Глава 12

Дима

Я ждал Алену у себя в апартаментах. Спокойно и отстраненно. Я принял взвешенное решение холодной головой без вредной примеси эмоций. В моей жизни было несколько постоянных факторов, один из которых: моя будущая жена. Переменным стало неукротимое желание к другой женщине. Совместить подобное сложно, но можно. Алена привлекала меня. Это физико-химическая реакция, сексуальное совпадение на тысячу процентов, магнитная буря головного мозга и полового члена одновременно. Но это все – явления временное. Бури проходят, секс приедается, а физические реакции вместе с химическими процессами ограничены во времени. Этому нужно дать выход, пережить и отправить в прошлое.

У меня было предложение для Алены. Или сделка. Назвать можно, как угодно. И да, оно из тех, которые не обсуждались и от которых не отказывались.

Совість маленьким червячком немного грызла в области грудины: так ведь нельзя. Мне нельзя. Никому нельзя. Нельзя изменять. Нельзя принуждать.

Нельзя, согласен. Жене я не буду изменять, но пока ее у меня нет. Алену не буду заставлять, набрасываться и требо-

вать, чтобы оплатила долг телом. У меня к ней деловое предложение.

Именно так я договаривался с совестью, пока в дверь постучали. У Алены не было ключ-карты, поэтому поднималась на общем лифте и заходила как обычно это делали люди – через дверь.

– Здравствуй, – произнес, оценивая наряд.

– Привет, – прошептала Алена слишком неловко для той, кто готовился. Яркие глаза лихорадочно сверкали, пухлые губы влажно блестели, волосы ночным плащом укрывали. Каблуки, платье, тонкий аромат духов. Холодный и расчетливый монолог, приготовленный специально для нее, расщепился на звуки, даже не на буквы.

Алена прошла вглубь комнаты, бросила короткий взгляд на кровать и ко мне повернулась. Я смотрел и видел сногшибательную девушку. Алена глядела куда-то сквозь меня. Шагнула ближе, плечами точеными повела, сбрасывая невесомые рукава. Все платье было легким и струящимся, а под ним только трусики. Острые соски с розовыми ореолами затвердели, маня коснуться, сжать, языком обласкать. Но я сдержался, ждал. Сам не знал чего, но не шевелился.

Алена, не поднимая глаз, потянулась к ремню: расстегнула и стянула вместе с бельем, освобождая налитой член. Конечно, я был возбужден. У меня перманентно стоит рядом с ней. Ебучий основной инстинкт!

Алена опустилась на колени: я дождался момента, когда

ее губы будут на моем члене, только не то это, хоть и приятно. Механические движения полностью лишённые наполненности женской энергией. Ее энергии.

– Мне не нужна услужливая податливая кукла! – вздернул на ноги и встряхнул хорошенько. – На меня смотри!

Сжал хрупкие плечи, в невероятное красивое лицо вгляделся, пока прозрачно-серые глаза с моими не встретились: гордо, пронзительно, с вызовом. Да, именно так мне нравилось! Это настоящая Алена!

– Хочу тебя, – прижался лбом к ее лбу. – Не могу контролировать это... – и губы нашёл. На них был солоновато терпкий вкус плоти. Мой вкус. И ее: нежный и сладостный. – Скажи, что тоже хочешь... Ален, скажи...

Я гладил, сжимал, массировал ее великолепное тело; наслаждался шелковистой кожей бедер и влажными створками между ног. Мокрая, возбужденная, горячая и дрожащая. Конечно, она хотела, но я желал услышать это. Точно знать, что все по согласию.

– Разве это важно? – рвано прошептала, откидывая голову, встречаясь со мной глазами.

– Важно, – сбросил остатки одежды и жадно подхватил, утаскивая в кровать. Да, важно, но остановиться уже не смогу, даже если ответ мне не понравится.

– Я бы не пришла, если бы не чувствовала себя должной...

– Я спрашиваю не об этом, – навис над ней, блуждая взглядом по восхитительно идеальному телу. У меня слюна капа-

ла от желания, а головка блестела от смазки нетерпения. Хочу! – Ты хочешь меня?

– Нет.

– Врешь!

Я раздвинул ноги и склонился к гладкой розовой промежности. Втянул носом аромат порока и похоти. Алена пахла женщиной. Я коснулся губами лобка, языком раздвинул малые губки и втянул в рот клитор. Внизу она не выглядела, как раздолбанная шлюха. Она вообще не выглядела, как проститутка! Вполне вероятно, мои выводы изначально были неверными. Но мы пришли к тому, к чему пришли, и я не жалел. Может, после расскаюсь, но сейчас казалось, что всё и все на своем истинном месте.

Длинные пальцы комкали простыни, сердцевина ее женственности пылала, тихие всхлипы разносились по спальне. Алена поразительно откликалась на оральные ласки. Отзывчивая. Мне тоже нравилось кончать от нежных губ и языка. У нас будет время изучить пристрастия друг друга, а пока...

Я потянулся к столику у кровати, нащупал резинку и, не глядя, надел. Знал, что слишком возбужден и долго не продержусь, но и Алена на пределе: несколько раз головкой по клитору провел, и она гортанно вскрикнула, кончая.

Мне тоже понадобилось всего минуты две: приятно узко и обжигающе горячо довели до разрядки буквально сразу. Я вытащил член, сорвал гандон и коснулся живота раскаленной головкой, обмазывая гладкую кожу семенем. Под акком-

панемент оглушительного оргазма ставил метку на эту женщину. Теперь моя. Я сказал.

– Сядь, – попросил Алену, когда вышла из душа, – поговорить нужно.

– Говори, – сбросила полотенце и схватила свое платье.

– Сядь и никакой одежды.

Она на мгновение задержала струящуюся ткань в руках, затем позволила с едва уловимым шипением скользнуть на пол. На меня бросила уничтожающий взгляд, но перечить не стала.

– У меня через три месяца свадьба, – начал без обиняков. – Но сейчас я желаю тебя, – сказал прямо и откровенно. – Ален, я хочу тебя в любовницы на следующие три месяца.

– Это плата за твою протекцию в опеке? – поинтересовалась ровно.

– Нет. Об этом не беспокойся. Твоя девочка будет с тобой.

Алена вскинула голову и с поразительным недоверием поглядела на меня. Кажется, искала признаки лукавства и притворства.

– В чем подвох?

– В том, что я хочу. И я получу, Алена. Вопрос только в том, как это будет: борьба или удовольствие? Я не отстану от тебя сейчас. Но через три месяца распрощаемся навсегда. Нам будет хорошо, я не обижу тебя: ни физически, ни материально.

– А морально? – усмехнулась горько.

– С этим сложнее. Характер у меня порой тяжелый. Когда заебанный – могу быть злым и раздраженным. Достается всем, кто под руку попадет.

– Даже твоей жене?

– Невесте, – поправил машинально. – Это часть жизни тебя волновать не должна. Это моя зона ответственности.

– Это подло, не считаешь? – меня спросила, но сама явно утверждала. Значит, понятия о добре и зле все еще жили в ее душе. Похвально, только жизнь она совсем другая, не черная и не белая. Она сложная.

– Моя подлость тебя не касается, ок?

– Зачем тебе это?

– Натрахаться хочу в холостяцкой жизни.

– Ты не холост, ты живешь с женщиной.

– Алена, – я тоже сел, – наши отношения амаральны, и мы оба знаем это. Если я захочу разобраться в первопричинах, то пойду к, мать его, психологу, а не к Алене Романовой. Мне от тебя не психоанализ нужен.

– Знаешь что? – повернувшись, подалась навстречу.

– Что?

– Пошел нахрен! – попыталась вскочить с кровати, но я был быстрее. За руку дернул и повалил на подушки. Телом своим придавил, снова возбуждаясь. И после этого еще будет говорить, что не играет со мной! Кошки-мышки чистой воды!

– Почему я? – крикнула прямо в лицо, брыкаясь, как ди-
кая коза.

– Я хочу тебя. Разве этого мало? – вздернул тонкие запя-
стья над головой и губами поймал острый сосок.

– Тебе кто нужен? Нежная, ласковая, доступная двадцать
четыре на семь девочка? Это не про меня, понимаешь ты или
нет?!

– Мне это не нужно. Оставайся собой, – накрыл мягкие
губы, с нажимом раздвигая зубы. – И да, все же будь иногда
ласковой, – велел, когда коленом чуть яйца мне в омет не
превратила.

– А если я откажусь? – спросила шепотом, между поцелу-
ями. Покорившаяся силе, но несломленная.

– Тогда будет война, Алена. А на войне, сама понимаешь,
все средства хороши.

Да, я умел играть грязно, и чтобы получить желаемое,
пойду на многое. Я позволил увидеть это в моих глазах. Але-
не не нужно строить иллюзий на мой счет – воевать со мной
ей не по силам.

– Хорошо, – ответила неожиданно. – Но мне нужна бу-
мага, гарантии, что через три месяца ты исчезнешь из моей
жизни.

– Ты серьезно? – удивленно переспросил. Она кивнула. –
Я даю тебе слово. Ему можно верить.

– Так же, как верит твоя невеста? – едко поинтересова-
лась.

– А я клятв верности не давал. Пока.

Да, де-юре обязательств перед Ирой не имею. А «де-факто» в принципе не имело юридической силы. Но в любом случае это дело наше, и Алене туда лезть не стоит. У нас троих абсолютно разные взаимоотношения: параллельные, не пересекающиеся. Так я полагал наивной мужской уверенностью, что ситуация всегда будет под контролем. Дурак. Но об этом узнают обычно по факту. Увы.

Глава 13

Алена

– Что задумчивая такая? – Лика несколько раз провела ладонью у моего лица. – У меня дело есть, а ты ни живая ни мертвая!

Я такая и была. Уже месяц хожу в диком раздрае. Вроде не вагоны разгружала, а сил не было: морально выжатая, как та курага.

– Да все нормально. Устала просто. В отпуск хочу. На море.

Я с каждой зарплаты откладывала на будущее, и одной из статей расходов была поездка в Турцию. Давно никуда не выбиралась: с маленькой дочкой боялась подхватить кишечку, а одной ехать не хотела. Зачем? В августе планирую выезд для нас троих.

– Тоже хочу, да кто б свозил, – выдохнула Лика. – С моей ипотекой только на речку в Строгино.

Или мы такие, или время, но сколько ни работай, денег больше не становилось. Лика, после того как меня заменила, взяла несколько вечерних смен в студии. Ей хватало и на жизнь, и на платеж по кредиту, когда в «Nuar» танцевала. Другие клубы предлагали иные условия. С душком, что говорится. Лика бросила стриптиз. Может временно, может

навсегда.

– В общем, я подработку нашла, тебя в долю возьму, хочешь?

– Нет, – покачала головой. – Летом хочу отдохнуть. Мне студии с головой.

Как и Небесного. Вроде бы и работал много, и дома его ждали, но все равно умудрялся через день заезжать за мной. Я не хотела, чтобы в студии знали, что у меня кто-то появился. Как и ему совершенно не нужна огласка. Эти отношения должны закончиться, не оставив следа в наших жизнях.

Было ли у меня желание избавиться от настойчивого внимания Димы, тайно оповестив об измене его невесту? Нет. Во-первых, верила, что он разрулит с ней, а мне достанется. Боялась я не столько за себя, сколько за дочь: а если опека снова нагрянет, только по его наводке? Вдруг захочет проучить строптивую мамочку. Так рисковать не могла: Катюша до сих пор спит в моей постели, одна боится.

Дима ведь еще может дать ход делу, которое замял. Мое имя там тоже было. Ярослав не просто так уехал из Москвы: очевидно, копали под него полным ходом. Я никак не должна быть замешана. Я просто хотела, чтобы от меня отстали.

Максимум, что могла сделать для той, кого Дима скоро назовет женой – не пытаться привязать к себе ее мужчину. Никаких чувств. Никаких эмоций. Никакой зависимости.

Я и сама не хотела с ним сближаться: без разговоров по душам, романтических ужинов или ароматических ванн со

свечами и шампанским. Без соблазнения и любовного очарования. Я не интересовалась его делами, работой и личной жизнью. Я просто трахалась с ним. Все как Небесный хотел. Я не желала попадать к нему в эмоциональную зависимость. Мне хватало того, что уже было. А он... Дима старше и опытней: он умело втягивал меня в игру, на кону которой мое сердце. Он лез мне в душу. Только я-то знала, что слонем растопчет ее и, наигравшись, забудет. Я давала ему только тело. Зачем ему больше – не знаю.

– Да? – ответила на звонок контакта с лаконичным «ОН».

– Приезжай в девять в «EVA». Поужинаем.

– Может, без этого всего? Сразу к делу?

Ну зачем это все?! Я не хочу никуда с ним ходить! Чтобы не казались парой даже условно! Мне и так сложно. Женщине тяжелее оставаться равнодушной, отдаваясь мужчине, пусть это и чисто физиология.

– Очень лестно, что ты меня так хочешь, – усмехнулся с чисто мужским превосходством. – Но сначала нормально поедим.

– Сходи сам, а?

– Алэн, не выделяйся. Если бы хотел поесть один или в другой компании, так и сказал бы. Вечером жду.

Дима отключился. Я обреченно бросила телефон.

– Ты это с кем?

– Знакомый кран обещал починить. А купить шланг сам не может, – пожала плечами. – Ладно, пошли. Тренировка

начнется через пять минут.

Я никому не рассказывала про свой новый статус любовницы несвободного мужчины. Гордиться нечем. Лица бы не осудила, но самой стыдно. О таком молчат, а не хвастаются.

У меня не было времени, чтобы заезжать домой, поэтому я по привычке приняла душ в студии и нанесла легкий макияж – запасная косметичка со времен работы в клубе в личном шкафчике хранилась. А вот подходящего наряда для модного ресторана с собой не было. Я одевалась практично и удобно: кроссовки, джинсы, топы. Лето и фигура позволяли носить вещи, подчеркивающие фигуру. Поймать на крепкую задницу мужика – не было целью моей жизни, но я была эстетом: любила красоту вокруг и в себе. С детства увлекалась творчеством и все получалось, а вот над точными науками приходилось трудиться. Но математиком или программистом никогда не мечтала стать, а вот открыть свою сеть школ танцев и вокально-инструментальное направление – это да. Но... Пока в моей жизни только «но».

Добралась сама. Небесный за этот месяц понял, что мне не нужен «консьерж-сервис». Это напоминало слезку и конвой одновременно. Заботы в этом не ощущалось.

– Здравствуйте, меня ждут, – остановилась возле стойки хостес. – Дмитрий Небесный.

Это был его любимый ресторан «без галстуков». Один раз, не считая самого первого, встречались здесь, точнее, рядом. Но я даже заходить не стала, ждала возле машины, как

и положено личной шлюхе. Дима разозлился тогда. Но это его проблемы. Я не собиралась быть удобной девочкой по вызову: хочу в постели имею, хочу в люди вывожу. Я старалась стать максимально неподходящий для него. Так легче было не чувствовать себя законченной сукой. Хотя это чистой воды лицемерие. Никаких оправданий нашей связи нет. Утверждениям «меня вынудили» и «я не хотела» не особо верилось, когда стонешь под мужчиной. А я стонала...

– Здравствуй, – произнес Дима, вставая. – Голодная?

– Нет, – огляделась, чувствуя себя неуютно в этом месте. Рядом с этими людьми. С этим мужчиной.

– Ален, не рассказывай мне, ладно. Десять часов отпахала, не обедала сто процентов и сейчас фею, питающуюся святым духом, из себя строишь! Ешь давай!

Как раз подоспел официант и поставил передо мной ароматную пасту с хитрыми моллюсками в раковине.

– Дима, мы не должны встречаться на людях. Я говорила тебе.

– Мы не трахаемся, а всего лишь едим. Успокойся, – взял приборы и приступил к своей рыбе. – Разин не звонил тебе? – неожиданно поинтересовался.

– Нет.

После инцидента с опекой никого из Разиных больше не видела и не слышала. И слава богу!

– Алена, я хочу знать, если он вернется в город и свяжется с тобой.

– Не нужно меня втягивать во все это. Это ваши дела.

– Я хочу, чтобы ты держалась от Ярослава как можно дальше. Тебе это все не нужно.

– Когда ты так говоришь, хочется сделать все наоборот, – мило улыбнулась, зная, как его это бесит. Не любит, чтобы перечили. Привык командовать. Глаза напротив зажглись синим недобрым пламенем.

– Когда ты так смотришь, мне хочется тебя отшлепать, – склонился ко мне с хищной улыбкой. Совершенно не скрывая планов на остаток вечера. Секс – основное блюдо, остальное антураж и прелюдия.

Я уже открыла рот, хотела ответить очередной колкостью, но к нам неожиданно и очень стремительно подошла женщина. Симпатичная, фигуристая, рассерженная блондинка.

– Привет, – положила руку на его плечо. – Любимый, – сделала акцент на этом слове, – можно присоединиться к вашей милой компании?

Я растерялась. Дима остался убийственно невозмутим. Это ведь она... Точно она. Слишком по-хозяйски держалась. Это женщина, к которой он возвращался каждую ночь. Она ждала его, просыпалась с ним, любила его...

– Привет, – спокойно поздоровался. – Думал, ты с отцом ужинаешь сегодня.

– Передумала, – улыбнулась наигранно и на меня посмотрела: – Ирина, его невеста, а вы? – совсем недобрый взгляд.

– Алена, – выдавила, готовая провалиться на месте.

Что-то подобное преследовало меня в кошмарах. И ведь права эта Ира, права. Ситуация такова, что именно я сейчас сука и стерва. Но и ее мужчина не торт с тридцатью тремя свечками, естественно. Но для женщины виновата всегда другая женщина.

– Дмитрий Александрович, – включила артистизм актрисы погорелого театра, – у меня нет информации по Разину. Я приеду в прокуратуру и подпишу показания, – поднялась максимально спокойно. – До свидания. Приятного ужина.

На Диму я даже не смотрела, когда убегала. Надеюсь, оценил мою игру. Взгляд Иры очень говорящий – веры мне ни на грош. Ничего, разберутся. Должны. Дело семейное.

Я не стала вызывать такси, решила прогуляться до метро – Маяковская совсем рядом.

Весь этот месяц я пыталась свыкнуться с ролью любовницы. Женщины, что делит мужчину с другой, настоящей, официально признанной, имеющей все права на него. Я – порочная тайна, та, о ком говорят шепотом и с усмешкой в чисто мужских компаниях. Наверное, девяносто процентов женщин готовы крикнуть мне в спину «фу, шлюха!». Да я и сама, вероятнее всего, осудила бы того, кто лез в отношения двоих. Смириться с моей ролью сложно. И самое противное, что в глубине души меня уже затянуло в эмоциональную яму. Сложно противостоять такому напору и не подсесть. Небесный умел очаровать, но видит бог я сопротивлялась. Я в отличие от Иры, которая могла только догадываться

о наличии у своего мужчины любовницы, точно знала, что не единственная. Это выматывало и уничтожало внутреннее самоуважение. Оставался только стыд. И ревность, бесправная, необоснованная, но острая и болючая.

Но мне все еще удавалось глушить даже малейшие признаки эмоциональной привязки. Чтобы Небесный не почуял. Возможно, больше не придется. Думаю, Дима попался и не рискнет продолжать. Интересно, как он там?

Г

лава 14

Дима

Ира буквально обрушилась на освободившееся место и порывисто махнула официанту, бросая на меня красноречивые взгляды.

– Унесите это! – скривившись, кивнула на тарелку спагетти с вонголе. У меня было примерно секунд тридцать, чтобы выстроить линию поведения. Не защиты, а нападения. Я уже семь лет служу государственным обвинителем: нападать и обвинять – моя родная стихия.

– Ты какая-то возбужденная. Что-то случилось? – спросил, отодвигая от себя дорада.

– Ты еще смеешь спрашивать?! – зашипела Ира. – Сидишь с какой-то девкой, улыбаешься, глаз не сводишь!

– И? – коротко бросил. – Сижу, улыбаюсь, смотрю. Что дальше?

– Это она, да? Ее ногти на тебе были?

– Мне показалось, что в этом вопросе мы сошлись на доверии, нет?

– У тебя любовница! – воскликнула, не сдержавшись. Гости за соседними столиками стали оборачиваться и с любопытством прислушиваться к разговору.

– Докажи! – парировал жестко. Ира округлила глаза и ошеломленно громко выдохнула. – У нас в стране презумпция невиновности. Обвиняешь – потрудись предъявить доказательства.

– Дим, как ты можешь... Почему ты так со мной? За что? – проговорила шепотом.

Я взял паузу. Мысленно сосчитал до пяти, успокаиваясь. Привычка. Условный рефлекс. Никогда не сдавать назад. Не подставлять щеку. Не оправдываться. Даже если не прав и знал об этом, все равно давил до конца. Я заточен на победу, черт возьми!

– Ира, ничего такого, что могло бы как-то повлиять на наши отношения, говорить не собираюсь. Мы живем вместе, мы поженимся, мы дороги друг другу. Ничего из этого не изменилось. Но ты можешь спросить меня, о чем угодно. Я отвечу. Только подумай, что ты сама хотела бы услышать. Хорошо подумай.

Ира открыла рот, хотела было сказать что-то, но остановилась. Задумалась. Я ждал. Она молчала.

– Поехали домой. Я соскучилась.

Я улыбнулся кончиками губ и жестом попросил официанта принести счет. Ира, как всегда, поступила взвешенно и мудро. Только отчего-то во рту разлилась вязкая горечь. Быть мерзавцем совсем неприятно. Я был именно им. В отношении обеих женщин.

Сегодня впервые две ипостаси моей жизни столкнулись. Было откровенно хреново. Одна сидела ни жива, ни мертва, вцепившись в мою руку прохладными пальцами. Алена, уверен, тоже ошеломлена и напугана. Все ведь ясно. Для всех нас. Просто кто-то должен закрыть глаза на ситуацию.

Я должен порвать с Аленой досрочно. Эти отношения уже вышли за допустимые рамки. Установленные мною лично! Я, блядь, думал о ней постоянно. Видеть хотел. Не только голую и покорную подо мной. А еще красивую, нарядную, улыбающуюся. Желал одаривать подарками и баловать вкусняшками. В общем всякая романтическая херь. Совершенно ненужная. Алене в том числе. Все это я должен испытывать к будущей жене, а не к случайно встреченной, абсолютно неподходящей девушке.

– Ты так изменился, – проговорила Ира, когда вошли в нашу квартиру. – Мы практически не видимся, – и повернулась ко мне. – Хоть и живем вместе.

– Я много работаю.

И это было правдой. Служба на первом месте. Я не бросил все и всех ради острых ощущений в объятиях любовницы. Алены. Странно, но ей не подходило это звание. А ведь

изначально считал ее обычной красивой шлюхой. Парадокс. Дикая ведьма, не иначе. Заворожила меня.

– Ты всегда много работал, – покачала головой. – Но я не об этом. Ты слишком задумчив и отстранен. Мне страшно, Дима.

Ира подошла совсем близко и уткнулась носом в грудь. Схватила за лацканы пиджака, сминая, громко вдохнула аромат у моей шеи.

– Мне стоит бояться? – подняла на меня глаза. Я погладил светлые волосы, легкие и мягкие, совсем другие. Полная противоположность густой тяжелой шелковой гриве темных волос Алены. Ира смотрела на меня так передано, с жадой и необходимостью. Неужели действительно любит меня? Я сомневался, да. Когда сам не испытывал ответного чувства, то виделось все в цветах циничной практичности.

– Не стоит, – постарался вложить в эти два слова всю свою уверенность. Ведь не стоит же? Конечно! Женой видел вполне конкретную женщину. Менять это ради острых ощущений не собирался. Новизна проходит, остается комфорт, общие интересы, схожесть миров. А мы с Аленой из абсолютно разных.

Ира обняла за шею и прильнула к губам. Настойчиво выдернула рубашку из брюк и расстегнула ремень. Подцепила резинку боксеров и пальцами пробежалась по стволу, возбуждая, силой наполняя. Опустилась на колени и взяла головку в рот, помня все мои сексуальные пристрастия. Я при-

крыл глаза, стараясь выключиться и отдаться сладкой неге, что дарил проворный язык. Пиздец. А полигамным мудаком, оказывается, быть непросто. Что-то темное и тягучее с едким запахом тлена раздирало изнутри.

– Я хочу тебя, Дим. Возьми меня, – Ира выпустила член изо рта и встала. Подняла подол платья, демонстрируя чулки и отсутствующие трусики. Облизнула палец и запустила между ног, вставляя в себе, имитируя соитие.

Я подхватил под ягодицы и упал на диван. Ее сверху посадил, сразу на член. Нам обоим это нужно. Снова найти друг друга. Секс, конечно же, не основа отношений, но очень жирная прослойка, без него сухо и пресно. У нас был всегда вполне себе добротный, но по эмоциям проигрывал марафону с Аленой. Я не понимал почему. Наоборот должно быть. Дома же всегда вкуснее. Или это просто расхожая фраза?

– Люблю тебя, – Ира обессиленно упала мне на грудь. Я сжал загорелые бедра и еще пару раз врезался в податливую плоть. Я тоже кончил. Приятно и привычно. – Дим, – Ира подняла голову и робко улыбнулась, – я хочу детей. Мальчика, похожего на тебя. Очень хочу.

Наши отцы, в особенности Герман Львович, очень ждали внуков. Пацана, естественно. Савицкий всегда мечтал о сыне. Поэтому ко мне так благоволил. А вот дочь воспринимал, как вынужденную данность: больше терпел нежели любил. Нет, Ира всегда жила в достатке и не знала отказа в деньгах, образовании, увлечениях, но отец не рассматривал ее, как

наследницу, которая без мужа сможет управлять продовольственной корпорацией. Герман Львович считал, что в женщинах нет стержня и очень надеялся, что успеет воспитать внука как надо.

– Я перестала пить таблетки, – услышал сквозь отрешенное забвение схлынувшего оргазма.

– Что ты сказала? – не понял с первого раза. Она серьезно? Я не ослышался?

– Дим...

– Такие вещи нужно обсуждать! – резко подхватил и снял с себя. Блядь! В моих планах были дети, но на общих условиях! Ненавижу, когда мной пытаются манипулировать. – Я в душ, – рывком поднялся.

– Дима, но мы же хотели...

– Ира, – крутанул, стараясь унять башенный стук крови в ушах, – начинай опять пить таблетки, ок? – это самое мягкое, что готово было сорваться с языка.

В субботу утром уехал в теннисный клуб. Ирка ходила вокруг меня побитой собакой. Вроде как я должен, поджав хвост, вылизывать ей руки, но чувствовал себя слишком оболваненным. Да, я скотина и мерзавец. Признаю, но каяться не собираюсь. Я законник и точно знал, что ответственность наступала только, если «сделка» оформлена официально. Договор на словах – филькина грамота. В отношениях такая позиция считалась цинично-мудовской, но я не собирался менять статус-кво Иры. Ей за свое положение вол-

новаться не нужно, тем более пытаться привязать меня ребенком. Нет, женщину, беременную от меня, не брошу, но манипуляции моей ответственностью до добра не доведут. Странно, что Ира, знавшая меня неплохо, решила разыграть эту карту. Проиграет ведь.

С Аленой все намного сложнее. С ней не работал прагматизм, правила и установки. Я просто хотел с ней быть, пока не остыну, вернувшись в исходное состояние. Она не хотела быть со мной. Это цепляло. Это бесило. Это раздражало. Она дарила мне тело, но не пускала дальше. Я отдавал отчет, что мне совсем не нужно к ней в душу лезть, сердце препарировать, но это выстреливало манящим вызовом: увидеть в холодных глазах желанной женщины тепло и нежность. Страсть, дерзость, злость – видел, но не больше. Она не нуждалась во мне. Даже деньги не брала. А я искренне хотел разгрузить ее: чтобы на дочь, себя... Меня, черт возьми, время оставалось!

– Эй! – крикнул Демид. – Выключай автопилот! Проебем же!

Мы играли в паре с двумя депутатами из Совета Федераций. Они разваливались физически, а я морально. Дёмыч пытался вывезти один, выходило хреново.

– Димон, ты как вообще?

Мы все-таки выиграли. Отпраздновать решили в парилке, потом бассейн и спарринг. Физическая нагрузка помогала победить стресс. А я в ебаном стрессе, помоги мне пси-

холог!

– Хуево, Дём, хуево.

Демид не было в стране последние два месяца и о изменениях в моей размеренной и распланированной жизни не знал. Я в принципе не из тех, кто трындел о личном и жаловался, но иногда хотелось поделиться.

Я коротко рассказал о желании Иры во что бы то ни стало забеременеть вот прямо сейчас. И поставить меня перед фактом.

– Она просто пытается удержать тебя пузом, – со знанием дела констатировал Демид. Знаток, блядь, женского коварства! – Чтобы не соскочил.

– Я и не собирался соскакивать, – вяло ответил, расслабляясь на лежанке в парной. Весь затек, шея забита, плечи напряжены, в голове вообще триндец.

– Бабы чувствуют перемены, – философски заметил. – Их не провести.

Я громко щелкнул языком! Ему-то откуда знать?! Он в нашей компании был самым раздолбаем! Тридцать три годика мальчику, и даже намек на серьезные отношения нет, не то чтобы на женитьбу.

– Я это все знаю, брат, поэтому вовремя на лыжи становлюсь!

Понял, о чем я, хотя вслух слова не сказал!

– Я женщин обожаю, но свою свободу люблю больше.

– Да, – пробормотал я, – с женщинами непросто.

— Ну-ка, ну-ка, — Демид все же услышал. — Ты что, телочку на стороне пасёшь?!

Я приподнялся и посмотрел на него, вкладывая во взгляд всю степень свалившегося на меня пиздеца, потом сказал:

— Пошел на хуй, а.

— Ладно, клянусь не пиздеть и не стебаться. Что случилось-то?! Меня два месяца не было, а у вас разброд и шатание! Арс загоняется с Линкой, ты загадочный такой! Колись, давай!

Я поднялся, сел, волосы влажные устало взлохматил.

— Встретил я кое-кого...

Сухо поделился, как с Аленой у меня случилось. Рассказал без утайки обо всем, не смакую подробности, но и не скрывая факты. Даже те, где выглядел полным дерьмом. Да, мне хотелось услышать, что не заставлял ее, не вынуждал, насильно не брал. Наш первый раз до сих пор грыз грудину, поедом ел. Я убеждал себя, что по согласию было, что хотела так же сильно, как я, но... Но чем больше узнавал Алену, тем меньше уверенности в этом.

Мне ведь досе скинули на братца Ярослава, Семена. Тот еще подонок. Шестерка по сути, но отбитый: там и наркотики, и шлюхи, и пьяные дебоши со стрельбой и приводами. Как Алена там могла появиться, ума не приложу?!

Она молчала. Совершенно не шла на контакт. Не пускала в свое прошлое, будущее и даже настоящее. Только тело, только секс. А я ведь чувствовал, что там было что-то тем-

ное и страшное. Неужели насилие? А кто тогда я? Но я же не брал силой! Я чувствовал согласие: ее тело хотело, рассудок противился, но тело... Если бы не ощутил отклика, то пальцем бы не тронул.

– У тебя любовница?! – удивился Демид. – Ты же самый рациональный мужик на Земле! Без слабостей и сердца! Электроник, ау! – постучал мне по лбу.

– Пошел нахер! – и вышел из парной. Сразу в бассейн прыгнул. Знал же, что не поймет.

– Димыч, извини, – подплыл ко мне. – Просто разредить хотел. Ты слишком напряжен.

– Думаешь нет причины? – да, я злился! Не на Дёмыча, естественно, а на ситуацию в целом! Как я мог так попасть! Подсесть на женщину, наплевать на собственные принципы, подставить под удар карьеру, брак и будущее!

– Относись к этому проще. Ты не женат еще. Нагуляешься, перебесишься и будешь самым верным мужем. Ира у тебя женщина умная: из-за пустого секса истерить не будет. Или... – пристально взгляделся в мое лицо. – Или непустого?

Я не ответил. Сам не знал. Планов на Алену не имел, но и тупым трахом назвать это сложно.

– Все норм, – отмахнулся от разговора. – Пойдем лучше кулаками помашем.

Из спортивного комплекса в Сколково вышел уже после двух дня. Сумку бросил в багажник и сел за руль. Телефон достал и позвонил Алене. Соскучился, мать его. Мы не ви-

делись после сцены в ресторане, но созванивались. Я хотел убедиться, что с ней все хорошо.

– Я хочу тебя увидеть, – начал даже не с приветствия. Голос ее услышал и как пес хвостом вилять хотелось.

– Я не могу сегодня, – ответила устало.

– Ты, кажется, не поняла: это не предложение. Я хочу тебя сейчас. Жду у себя через час.

– Я сказала, что не могу! – жестко отрезала Алена. – У меня ребенок с температурой! Все, пока.

Черт, опять я мудака! Резко выкрутил руль и рванул с парковки. Проезжая мимо торгового центра, остановился: может, им лекарства нужны? Захотелось сделать что-нибудь для Алены и мелкой. Хорошее что-нибудь. Игрушки, вкусняшки и... Неподалеку заметил салон «Пан-авто» – хватит ей на метро ездить.

Глава 15

Алена

Я отбросила телефон, рассерженно заправив выпавшую из пучка прядь. Хочет он, видите ли! Все бросить должна и к нему лететь! Мерзавец.

– Тише-тише, – погладила Катюшу по спинке. Дочь заворочалась в тревожном сне. Вчера из сада забрали вялую и уставшую, а ночью температура поднялась. Потом и признаки кишечки добавились. Рвоту победили, а вот со стулом еще боремся. Даже трусики-памперсы пришлось достать, чтобы не мучить горшком каждые полчаса.

Дочка затихла. Я принюхалась – чисто. Взяла поильник с разведенным регидроном и промочила высохшие губки. Бедняжка моя, измучилась совсем.

Я и сама всю ночь не спала, устала жуть. В добавок разговор с Димой выбил из равновесия. Я и не ждала уже. После встречи с его будущей женой уверена была, что нашему договору пришел конец в виду непредвиденных (очень даже предвиденных) обстоятельств. На следующий день сухо поинтересовался, как я и прислал большой букет диких роз. Я приняла их в качестве прощального подарка. Чувствовала при этом что-то странное: облегчение с примесью темной горечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.